

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

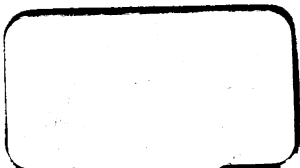
tt 3157.23.20

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

Барсуков

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

В. Г. БАРСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Барсукова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886.

044 3157.23.20

Relly

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСКЛЕНИЧА
В. О. Р. А. Т. У.

1052

139230

R

Доволено цензурою. Спб. 30-го мая 1885 г.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ,

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

За указаніе пути къ живоносному источнику
посвящаетъ

Николай Варсуковъ.

29 мая 1885 г.

С.-Петербургъ.

На границахъ временъ, раздѣляющихъ конецъ древней и начало новой Исторіи Россіи, а именно въ 1701 году, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ сѣнію „небесеподобной“, святой, великой, чудотворной Печерской Лавры, въ Печерской слободѣ, у небогатаго торговца, родился будущій нашъ знаменитый путешественникъ по Святымъ мѣстамъ Востока—Василій Барскій.

Предки его были жителями города Бара, нынѣ заштатнаго города Подольской губерніи, Могилевского уѣзда, принадлежавшаго въ то время Польскому королевству¹⁾. Во время Казацкихъ войнъ, въ 1648 году, Баръ былъ взятъ, а въ 1651 году обращенъ въ пепель. Это событіе понудило дѣда Василя Барскаго, Ивана Григоровича, покинуть городъ отцевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ переселиться въ Малороссію. Одинъ изъ сыновей Ивана Григоровича, Григорій, отецъ нашего Странствователя, по смерти родителя женился въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣткѣ (нынѣ Черниговской губерніи, Остер-

---

¹⁾ Городъ Баръ, въ древности Ровъ, такъ названъ только въ XVI вѣкѣ, супругою Польскаго короля Сигизмунда I, Боною Сфорца, въ воспоминаніе города Бари, въ которомъ почиваютъ мощи Святителя Христова Николая.

скаго уѣзда), на дѣвицѣ Маріи, вскорѣ послѣ того перѣхалъ въ Кіевъ и поселился тамъ въ Печерской слободѣ. Сыну ихъ Василию въ самомъ раннемъ возрастѣ довелось быть свидѣтелемъ страшнаго проявленія гнѣва Божія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствія Божественной благодати.

Въ 1710 году, въ Кіевѣ явилась чума. „Тогда“, повѣствуетъ современный лѣтописецъ, „пустъ городъ Кіевъ остался... И многихъ трупы поядаху звѣріе, птицы и сви- ни. Церкви Божественныя опустошѣли, также и мона- стыри, и не было ни жертвы, ни приношенія“. Въ эту бѣдственную годину, Кіевъ былъ свидѣтелемъ чуда, явлен- наго Богомъ: когда чума опустошила всѣ Кіевскіе мо- настыри, то, по свидѣтельству архимандрита Кіево-Печер- скаго Іоанникія (Предисловіе къ Акаѣисту. Кіевъ. 1716), „едина точію обитель Свято-Михайловская Золотоверхая Кіевская, честно въ себѣ нетлѣнными мощи Святыя Вели- комученицы Варвары хранящая, чудеснѣ молитвами ея отъ тоя сохранися казни“. Правовѣрные христіане, ви- дѣвши „сіе толь преславное, силою Божіею, при мощахъ Святыя Великомученицы сотворенное чудо—прославиша Бога“; а иновѣрные, сомнѣвающіеся „о мощахъ Святыя“, увѣровали въ святость ихъ. Желая увѣковѣчить сіе ве- ликое знаменіе молитвеннаго ходатайства Святыя Великому- ченицы, митрополитъ Кіевскій Іоасафъ установилъ про- читывать ей акаѣистъ еженедѣльно, по вторникамъ. И Кіевляне съ той поры и до нынѣ слышать „благодар- ственныя пѣнія и хваленія получившей отъ Бога благо- датъ хранити и соблюдать отъ внезапныя болѣзни и наг- глыя смерти всякаго человѣка, вѣрою и любовію и бла- тоговѣніемъ воспоминающаго и почитающаго честная стра-

данія Святыя Великомученицы“. Чума принудила Григорія Ивановича Барскаго вмѣстѣ съ другими оставить Кіевъ, и онъ со всѣмъ своимъ семействомъ выселился „въ поле“, а когда опасность миновалась, онъ снова возвратился въ Кіевъ и поселился на Подолѣ, близъ соборнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы.

О жизни сына его Василия мы имѣемъ единственныя свѣдѣнія, которыя находимъ на страницахъ его „Странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока“²⁾. Отецъ Василия, Григорій Ивановичъ, по свидѣтель-

²⁾ На основаніи этого источника о Барскомъ писали:

1772. *Новиковъ*. „Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ“. Спб.
1778. *Рубанъ*. Въ Предисловіи къ изданному имъ „Путешествію Барскаго къ Святымъ мѣстамъ“.
1790. „Словарь Историческій, переведенный съ Французскихъ историческихъ словарей, съ дополненіемъ о писателяхъ Русскихъ“. М.
1818. *Евгеній*, митрополитъ. „Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“. Спб. Изд. 2-е 1827 г.
1826. *Субботинъ*, священникъ. „Отечеств. Зап.“ (7,25, стр. 498—500).
1836. *Языковъ* (Дм. Ив.). „Энциклопедическій Лексиконъ“. Спб.
1844. О рисункахъ Барскаго въ „Запискахъ Одесскаго Общества Ист. и Древн.“ (I, стр. 649).
1846. *Надеждинъ*. Въ сборникѣ Кукольника „Картины Русской живописи“. Спб.
1854. *Аскоченскій*. „В. Г. Григоровичъ-Барскій. Знаменитый путешественникъ“. Кіевъ.
1856. *Его-же*. „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію“ Кіевъ.
1859. *Полуденскій*. Объ изданіяхъ Путешествія Барскаго въ „Библиографическихъ Запискахъ“ (№ 9, стр. 274).
Ламанскій. „О Славянахъ въ Малой Азій, въ Африкѣ и въ Испаніи (Ученыя Записки Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, кн. V)“.
1861. *Филаретъ*, архіепискомъ. „Обзоръ Русской Духовной Литтературы“. Спб.

ству сына, былъ „книженъ“ только „въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи“, и къ тому же имѣлъ предубѣжденіе противъ ученыхъ, примѣчая въ нихъ „излишнее дрѣніе, гордость, тщеславіе, славолубіе, зависть и проч.“, а потому старался отклонить своего сына отъ ученаго поприща. Между тѣмъ Василій, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, по свидѣтельству его брата Ивана, былъ „любопытень“ ко всякимъ наукамъ и художествамъ и „имѣлъ охоту видѣть чужія страны“. Въ своемъ стремленіи къ ученію Василій нашель поддержку въ своей матери, которая съумѣла убѣдить своего мужа не препятствовать благому желанію ихъ сына, и по показанію самага Барскаго, „во времена“, въ которыя правилъ „престолъ Кіевскій блаженной памяти преосвященный Іосафъ Краковскій“, т. е. между 1708—1718 г. ³⁾, онъ, будучи въ младыхъ лѣтахъ, поучался въ „школахъ Латинскихъ“.

1862. *Пономаревъ*. Въ критическомъ разборѣ „Обзора Русской Духовной Литературы“ (Духовный Вѣстникъ. III).

1873. *Леонидъ*, Архимандритъ. „Чтенія Моск. Общества И. и Д. Р.“ (кн. 4, стр. 227—228).

1874. *Лазаревскій* (А. М.). Въ предисловіи къ письмамъ Барскаго (Русскій Архивъ 1874 г. II).

1880. *Флоринскій*. „Аеонскіе Акты“. Спб.

1881. *Гиляревскій*. „Русскій паломникъ, Барскій“ (Русскій Архивъ 1881. I).

³⁾ Преосвященный Іосафъ Краковскій, изучавшій нѣкогда въ Римѣ богословіе и философію, управлялъ Кіевскою митрополіею съ 19 января 1708 по 1718 годъ. Въ этомъ году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненія по дѣлу царевича Алексѣя Петровича и, отправляясь изъ Кіева уже больнымъ, скончался въ заточеніи въ Тверскомъ Архангельскомъ монастырѣ, 1 іюля того-же 1718 года.

За это время, въ числѣ ректоровъ Кіевской академіи былъ и знаменитый Теофанъ Прокоповичъ (1709—1716), уже тогда лично извѣстный Петру Великому, котораго онъ привѣтствовалъ, 10 іюля 1709 года, въ Софійскомъ соборѣ, когда послѣ Полтавской побѣды Государь посѣтилъ Кіевъ. Судьба не дозволила однакожь Барскому окончить курсъ въ академіи. Когда онъ достигъ уже до „началь философіческихъ“, то, „Божіимъ попущеніемъ“, у него открылась на лѣвой ногѣ язва, лишившая его возможности ходить. Онъ принужденъ былъ оставить академію и приняться за лѣченіе. Пользовавпіе его Кіевскіе врачи, взявши „деньги не малы“, не только не принесли ему пользы, но „большую язву отверзоша“. Въ то время, когда больной потерялъ уже всякую надежду „исцѣлится“, до него доходитъ слухъ, что одинъ изъ его товарищей, нѣкто Іустинъ Ленецкій, братъ бывшаго архіепископа Суздальскаго Варлаама, задумалъ ѣхать „въ Полшу до града Льова, ради совершенія болшихъ наукъ“. Это извѣстіе оживило Барскаго и имѣло для него рѣшающее значеніе. „Виждь“, восклицаетъ онъ, „нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе!“ И онъ, „тому поревновавъ“, рѣшился вмѣстѣ съ Іустиномъ ѣхать въ Львовъ. Пользуясь отсутствіемъ отца, Барскій оставляетъ родительскій домъ, и мать „съ многими рыданіемъ и слезами“ благословляетъ своего сына на далькій путь.

Въ день Св. Пророка Іліи, 20-го іюля, 1723 года, двадцатидвухлѣтній Василій вмѣстѣ съ товарищемъ Іустиномъ выѣхали изъ Кіева. Едва они покинули городъ, какъ возвратился домой отецъ Барскаго и тотчасъ

послалъ за сыномъ въ погоню „коннаго слугу“, который настигъ его уже за „предѣлами Кіевскими“. На всѣ увѣщанія слуги вернуться домой Василій остался непреклоненъ и, пославъ отцу „должнѣй сыновнѣй поклонъ“, продолжалъ свое путешествіе. Изъ Почаева, отъ 13 августа, онъ отправилъ къ отцу письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божиимъ и вашимъ отеческимъ, всякіе замыслы и поступки благополучни были“. О дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ Барскій пишетъ въ этомъ письмѣ нерѣшительно: „Извѣщаю, же иду до Льова, а гдѣнѣ не извѣщаю, гдѣ буду; Богъ вѣсть, може еще и далѣй пойду“.

Во Львовѣ наши путешественники нашли многихъ страннолюбивыхъ людей изъ Русскихъ, которые были уніатами только по внѣшности „втайне же зѣло православны“. Искусный врачъ вылѣчилъ ногу Барскаго, и онъ сталъ хлопотать о поступленіи во Львовскую иезуитскую академію „да искусимъ“, пишетъ Барскій, „ихъ преданія ученій“. Но православныхъ, и особенно Кіевскихъ, въ эту академію не допускали; а потому для достиженія своей цѣли Василій вмѣстѣ съ Іустиномъ рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, въ то время весьма обычной. Они объявили себя братьями Барскими, уроженцами Польскаго города Бара. Такимъ путемъ они проникли въ академію и поступили въ классъ риторики. Обманъ однакоже вскорѣ открылся, и они были изгнаны изъ академіи „яко волци отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Но Барскій не упалъ духомъ и утѣшалъ себя благочестивымъ размышленіемъ, что Богу не угодно было оставить ихъ, воспитан-

ныхъ въ православной вѣрѣ, среди латиновъ, и онъ сталъ убѣждать своего спутника Іустина: „да идемъ къ инымъ градомъ и видимъ иныхъ людей обычаи“. Къ исполненію этого намѣренія Барскаго способствовало и слѣдующее обстоятельство: во Львовѣ они сошлись съ Русскимъ священникомъ Стефаномъ Протанскимъ. Онъ потерялъ жену и „ради разгнанія своей печали“ рѣшился отправиться въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Барскій и Іустинъ предложили Протанскому идти туда вмѣстѣ, и Протанскій съ радостію принялъ ихъ предложеніе. „Мнѣ же“, пишетъ по этому поводу Барскій, „не бысть толь желаніе до Рима, елико до Святителя Христова Николая въ Барградъ“. Денегъ для этого путешествія Барскій имѣлъ хотя и „зѣло мало“, но онъ возложилъ все свое упованіе на Бога и „на милость христіанскую“. Живя во Львовѣ, Барскій снискалъ себѣ покровительство многихъ вліятельныхъ лицъ и черезъ нихъ ему удалось записаться не только патентомъ отъ архіепископа Львовскаго, долженствующимъ открыть ему двери католиковъ, но даже и отъ Львовскаго Еврейскаго кагала.

23 апрѣля 1724 года, наши путешественники въ одѣяніи Римскихъ пилигримовъ вышли изъ Львова. 6 мая, Барскій съ своими спутниками, перебравшись черезъ сѣверовосточный уголъ Карпатскихъ горъ, именуемый Бешкидъ, вступили въ Венгрію и достигли города Кошицы; здѣсь остановились въ домѣ нѣкоего скудельника, челоуѣка добронравнаго и страннoлюбиваго; а для снисканія средствъ къ продолженію путешествія, ходили по городу и просили милостыню, „аще“, замѣчаетъ по этому поводу Барскій, „и не безъ сраму бысть намъ сіе новое художе-

ство". Прошение подаванія такъ непріятно поразило священника Протанскаго, что онъ рѣшился разстаться съ своими товарищами: „стыдяшеса бо съ нами въ дружбѣ быти, понеже мылостины просихомъ“. Для самого же Барскаго это „художество“ не могло быть новымъ. Онъ въ Кіевѣ довольно насмотрѣлся, какъ тамошніе ученики цѣлыми десятками расходились по разнымъ городамъ и селамъ Кіевской и Черниговской губерній, для собиранія подаваній. Кромѣ того, многіе бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ пѣли разные священные стихи, испрашивая у жителей христіанской милостыни. Даже студенты съ тою же цѣлю, каждый вечеръ, при захожденіи солнца, ходили по Кіевскимъ улицамъ и пѣли въ честь разныхъ святыхъ и чудотворныхъ иконъ партесные канты, то предъ домами Кіевлянъ, то на Житной площади для торгашей. И все это продолжалось не одинъ, не два, не три года, а цѣлое столѣтіе изъ года въ годъ! Жители Кіева доселѣ еще помнятъ подъ именемъ *миркованья* и *спѣванья* эти былыя зрѣлища.

Изъ Кошицы Барскій черезъ Эрлау пришелъ въ Пешть, гдѣ нашель помощь у православныхъ Сербовъ, такъ что думаль чрезъ Сербію и Далмацію отправиться въ Венецію; но „благоразсудніи людіе“ ему посовѣтовали идти туда на Вѣну, „да и столицу Цесарскую узримъ и крѣпкими себя вооружимъ патентами“. Такъ они и сдѣлали. Разставаясь съ Венгрією, Барскій съ благодарностью отзывается о страннлюбіи ея жителей. Иное встрѣтилъ онъ, когда вступилъ въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ не нашель „никаковаго страннлюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго не-

милосерднаго“. Но въ чести Нѣмцевъ Барскій сообщаетъ, что земля ихъ „мырна есть отъ разбойниковъ“.

1-го іюня 1724 года путешественники увидѣли передъ собою „славный градъ Вѣденъ“ (Вѣну). Всевозможныя затрудненія пришлось имъ преодолѣть, чтобы проникнуть въ самый городъ, который представился Барскому „аки прекраснѣй рай“. Здѣсь они попали на праздникъ Тѣла Господня и въ великолѣпной процессіи видѣли самого императора Карла VI, отца Маріи Терезіи, который показался Барскому „бистровиденъ и метокъ, возраста же малаго“. Въ Вѣнѣ „нѣвкѣй челоувѣкъ знаменитъ“ помогъ нашимъ бѣднымъ странникамъ вооружиться патентомъ отъ папскаго нунція, архіепископа Едесскаго Іеронима Гримальда. Свѣтлѣйшей Венеціанской республики посоль Францискъ Донадо снабдилъ ихъ также патентомъ. Полученіе этихъ патентовъ было крайне для нихъ необходимо; ибо Барскій отъ кого-то слышалъ, что не имѣющихъ Вѣденскаго (Вѣнскаго) патента берутъ на галеры, „си есть на вѣчную въ узахъ работу“.

Черезъ Штирію и Каринтію путешественники добрались до Венеціи. Когда Барскій увидалъ въ первый разъ море, то помянулъ Пророка, вопіюща: „Нисходящіи на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахъ многихъ, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. По прибытіи въ Венецію, Барскій на другой же день отправился въ Греческую церковь Св. Георгія. Такъ какъ Барскій въ то время еще не зналъ Греческаго языка, то очутился въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручали дѣти Грековъ, обучавшіеся въ церковной школѣ Латинскому языку. Дѣти завязали разговоръ

съ Барскимъ на Латинскомъ языкѣ. Подошли и учителя и стали бесѣдовать о вѣрѣ. Донесли протопопу, что пришедшіе странники суть православные и благочестивые христіяне, да къ тому же родомъ „отъ Россійскихъ странъ“. По поводу послѣдняго показанія, Барскій замѣчаетъ: „зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ“.

Въ Венеціи, въ этотъ разъ, Барскій пробылъ всего только два дня. Черезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро, Фано и Анкону, слѣдуя берегомъ Адриатическаго моря, они пришли къ чудотворному мѣсту Лорето. Въ тамошнемъ костелѣ Барскій увидѣлъ сѣдалища исповѣдающихъ, надъ которыми были надписи, какихъ націй духовники. Увидѣвъ надписаніе: „здѣ въ Полскомъ“ Барскій и обратился сюда, такъ какъ хорошо зналъ по-польски; кромѣ того онъ рассчитывалъ на милостыню; ибо изъ Польши присылался сюда „скарбъ“, дабы отъ него давалась милостыня пилигримамъ Польскимъ, „милосердствующи о нихъ за труды ихъ“. Въ Лоретѣ Барскому вообще посчастливилось. Такъ, удачный отвѣтъ его капуцинскому игумену или „гвардіану“ отворилъ ему двери въ гостинницу, назначенную для однихъ только духовныхъ. На вопросъ гвардіана: „Что прійшли есте, друзи? Еда ли есте отъ духовнаго чина, — или пустинци? На это Барскій отвѣтилъ по-латынѣ, не зная, по-италіянски: „И ми убо; отче честній, не прости еси путници, но студенти, обучающіися Латинскому языку и прилежащія ученіямъ школьнымъ, на большое потвержденіе и разширеніе православной каѳолической вѣри, на честь же и похвалу всемогущаго Бога“. Отвѣтъ этотъ видимо понравился гвардіану, и наши путешественники были впущены въ гостинницу.

Изъ Лорето путешественникамъ предстояло два пути: кратчайшій—въ Римъ, дальнѣйшій—въ Бари. Обыкновенно желающіе поклониться мощамъ Св. Николая отправляются въ Бари изъ Рима чрезъ Неаполь; но Барскій настояль идти туда не изъ Рима, а изъ Лорето. „Аще“, пишетъ онъ, „пойдемъ первѣе къ Риму, довольни будемъ видѣніемъ величества, красоти и слави его, и облѣнимся пойти поклониться мощемъ Угодника Божія Святителя Христова Николая“. Невыразимыя страданія пришлось испытать нашимъ путешественникамъ, когда они шли въ самое жаркое время года, по сухой, неплодной, безводной Калабрии. Къ довершенію бѣды, близъ Барлеты Барскій потерялъ свои патенты, а пилигримъ безъ патентовъ, по замѣчанію Барскаго, тоже что „человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ крыль, древо безъ листвіа“. Наконецъ, послѣ девятидневныхъ страданій, 26 іюля 1724 года, поздно вечеромъ, Барскій достигаетъ давнишней своей цѣли „пресловутаго Бара града“ и онъ, удрученный потерею патентовъ и болѣзнію ноги, „присно приходаль“ ко гробу Святителя Христова Николая и молился со слезами, „да поможетъ въ обѣхъ тѣхъ“. Молитва его была услышана: нога его исцѣлилась и патенты нашлись; но вслѣдъ затѣмъ Барскаго постигаетъ новая бѣда: жестокая лихорадка удерживаетъ его въ Барлетѣ; а спутникъ его Іустинъ, не желая дожидаться выздоровленія своего товарища, ушелъ въ Римъ, оставляя Барскаго одного „скорбна и болѣзненна“. Съ тѣхъ поръ товарищи уже не сходились, и судьба Іустина Ленецкаго остается намъ неизвѣстною. Въ это трудное время, какъ и всегда, Барскій не упалъ духомъ — онъ

„помянухъ Бога и возвеселися“. Одинъ-одинехонекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный Латинскій языкъ, котораго не разумѣлъ простой народъ въ Италиі, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, томимый жаждою, шелъ Барскій по пути къ Риму и, наконецъ, наканунѣ Успенія, дотащился до Неаполя, гдѣ въ гостинницѣ Св. Троицы онъ нашель себѣ пріютъ и успокоеніе. Онъ встрѣтился здѣсь съ умилительнымъ обычаемъ, который потомъ наблюдалъ и въ Римѣ, и во Флоренціи. Когда пилигримы сѣли за трапезу, то имъ стали прислуживать многіе знаменитые и благородные мужи, какъ духовные, такъ и мірскіе. Люди эти, какъ узналъ Барскій, добровольно смирялись „въ память Христову“. Это однако смутило Барскаго, и онъ „не терпѣ сѣдѣти предъ толь великими лицами“.

Пробывъ нѣсколько дней въ Неаполѣ, Барскій отправился въ Римъ сухимъ путемъ. 29 августа 1724 года, взорамъ его открылся вѣчный городъ. „И видѣхъ“, пишетъ онъ, „Римъ отвнѣ зѣло многокрасенъ; много бо услаждаютъ зѣнницы людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ зданіе, съ многими главами, цѣнью и мѣдію покровенни и позлащенніе на себѣ крести имущими“. Въ Римѣ Барскій остановился въ Польской гостинницѣ Св. Станислава, гдѣ встрѣтился съ Поляками „и привѣстествовахся съ ними и нѣколикую бесѣду сотворихъ“. По цѣлымъ днямъ Барскій бродилъ по Риму: заходилъ въ церкви, осматривалъ княжескіе и кардинальскіе дворцы и палаты, любовался красотою града, наблюдалъ нравы и обычаи народа. Между прочимъ, ему удалось воспользоваться даже гостепримствомъ самого Папы.

По поводу пребывания Барскаго въ Римѣ, одинъ писатель замѣчаетъ: „Воспитанный въ правилахъ православной вѣры, Барскій, какъ-бы вмѣстѣ съ нею получилъ то спокойствіе взгляда, и ту безвраждебность, которыми никакъ не могутъ похвалиться католическіе писатели, когда они какъ нибудь касаются до нашего исповѣданія (Чижовъ, *Моск. Сборникъ*. 1847).

Въ Римѣ Барскій прожилъ до 18 сентября и въ этотъ день оставилъ вѣчный городъ, сознавая, что о „великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ многія повѣсти требъ, по достоянію славы и лѣпоты его“. Путь свой Барскій направилъ опять въ Венецію, идя туда чрезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, съ надеждою вернуться оттуда прежнимъ путемъ „въ страну Полскую“.

17 октября 1724 года, Барскій, на лодкѣ съ овощами, приплылъ къ Венеціи,—къ этой „нетлѣнной дѣвицѣ“, какъ ее въ то время называли, и сталъ, такъ сказать, у вратъ Востока. По пріѣздѣ, Барскій прежде всего отправился въ Греческую церковь Св. Георгія. Протопопъ со всею о Христѣ братією принялъ нашего странника благодушно и приютилъ его въ церковной богадѣльнѣ. Барскій не рассчитывалъ долго пробыть въ Венеціи и мечталъ возвратиться на родину чрезъ Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію. Вслѣдствіе сего онъ почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ-ли корабля, отправлявшагося въ Зару. „Не виденія ради“, хотѣлъ онъ посѣтить этотъ городъ, „понеже много видѣхъ красива и чудесна; но посѣщенія ради мощей угодника Божія Святаго Семеона Богопріимца“. Проходила недѣля за

недѣлю, а онъ не находилъ добродѣтельнаго капитана, который доведъ бы его до Зары „Христа ради“. Многіе изъ нихъ говорили ему какъ-бы съ упрекомъ, что пилигримъ, путешествуя по свѣту и обходя страны и земли, „многія собираетъ беци, си есть денги“. Вызванный этимъ упрекомъ, Барскій яркими красками изобразилъ бѣдствія и страданія бѣднаго пилигрима. „Всякъ бо путникъ“, пишетъ онъ, „аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради, не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мірѣ, не видѣнія ради мірскихъ красотъ и разнствованія земель, народовъ, обикновеній, но аще путешествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъже шествоваху, или биша, или стоястѣ нозѣ Господа нашего Иисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, таковій долженъ есть ангельское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя“. „Сего ради“, продолжаетъ Барскій, „путникъ, аще и нагло помретъ, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученической воспріиметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяся даже до смерти самоволно Христа ради“.

Въ безплодныхъ хлопотахъ объ отъѣздѣ изъ Венеціи прошелъ для Барскаго мѣсяць октябрь. Наступили холода, вѣтры, возмущающіе море, и онъ рѣшился зимовать въ Венеціи. Протопопъ о. Василій благословилъ Барскаго остаться при Греческой церкви. Между тѣмъ, ему „омерзѣ до зѣла“ праздное препровожденіе времени, и онъ рѣшился посвятить свободное время изученію Греческаго языка. Къ тому же Греки, какъ единовѣрцы, очень по-

любили Барскаго и охотно допустили его до занятій въ церковной школѣ. Только товарищи Барскаго по богадѣльнѣ отнесли съ насмѣшкою къ этимъ занятіямъ его и со смѣхомъ называли его „премудрымъ Соломономъ“. Барскій съ сожалѣніемъ говоритъ, что ему мало времени удавалось посвящать занятіямъ, такъ какъ онъ принужденъ былъ часто ходить по городу и просить милостыню. Нерѣдко Барскій заходилъ и на площадь Св. Марка, гдѣ ему пришлось однажды присутствовать при зрѣлищѣ, которое его, какъ Малороссіянина, возмутило до глубины души. Травили вола собаками. И, можетъ быть, смотря на это, вспомнилась Барскому его далекая родина, гдѣ воля есть неизмѣнный спутникъ и кормилецъ человѣка; можетъ быть, зазвучали въ душѣ его родныя пѣсни, величающія столь любезное Малороссіянамъ чумакованье, — пѣсни, отражающія въ своей унылой, однообразной мелодіи безбрежную степь, съ безоблачнымъ небомъ, палящимъ солнцемъ, и въ этой величавой обстановкѣ, мѣрное „съ важностью спокойной“ движеніе воловъ, сопровождаемое загорѣлыми чумаками. Когда же, на чужой сторонѣ, Барскому представилось это зрѣлище травли и веселіе зрителей, то изъ его души вылились слѣдующія прочувствованныя строки: „Азъ едва не плакахъ, видящи такое мученіе неизлобиваго звѣря, отъ неблагословенной бестии терпимое лютѣ. Помянухъ бо азъ грѣшный тогда, глаголюще въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единъ отъ иннихъ въ вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо онъ и подобній другъ его незлобивій осель“.

Между тѣмъ наступилъ 1725 годъ, а съ нимъ и

Италянская весна. Пахнуло „отъ теплоты дыханія морскаго“. Въмѣстѣ съ весною у Барскаго обновилась непреодолимая жажда къ путешествію. Однажды случилось ему разговориться объ этомъ предметѣ съ однимъ ученикомъ Греческаго училища. Между прочимъ ученикъ этотъ замѣтилъ Барскому, что не мѣшало бы ему побывать въ „волной Греціи“. Тамъ, сообщалъ онъ, „Святыхъ Божіихъ мощи, а людіе милосердны на путниковъ“. Эти слова, запавъ въ душу Барскаго, потянули его на Святой Востокъ. Одно только нѣсколько печалило Барскаго: не было у него спутника, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить труды и трудности страннической жизни. Думая объ этомъ, онъ однажды рано утромъ вышелъ на площадь Св. Марка и сталъ разсматривать продающіяся тамъ иконы и книги. Въ это время подошелъ къ нему нѣкій благочестивый старецъ и полагая, что Барскій священникъ, такъ какъ онъ носилъ священническую шапку, взялъ его за руку и сказалъ: „Здравствуй, господине!“ Удивленный Барскій отвѣтилъ: „Здравствуй, отче честный“ и при этомъ замѣтилъ, что онъ ни священникъ, ни инокъ, а грѣшный простолоудинъ. Старецъ разсказалъ Барскому всю свою біографію, которую тотъ прослушалъ съ глубокимъ вниманіемъ. Оказалось, что подошедшій былъ архимандритъ Тихвинскаго монастыря, Рувимъ Гурскій, бывший любимецъ митрополитовъ Стефана Яворскаго и Іова Новгородскаго, довѣренное лицо царицы Параскевы Теодоровны и царевича Алексѣя Петровича; но оклеветанный предъ Петромъ Великимъ, принужденъ былъ оставить отечество и искать себѣ такого мѣста, „идѣже бы мя токмо единъ знаеше Богъ и азъ Его“. Съ этой ми-

нуты и до самой кончины Рувима Барскій съ нимъ уже не разлучался. Въ бесѣдахъ съ Рувимомъ Барскаго впервые озарила мысль „пойти въ Іерусалимъ поклонитися Гробу Христову“. Они стали дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Нашелся благодѣтель, въ лицѣ нѣкоего Сербскаго капитана Вукола, который взялся быть ходатаемъ за нашихъ странниковъ предъ однимъ великимъ Венеціанскимъ боляриномъ, обладателемъ многихъ кораблей, и просить его „да укораблить“ ихъ до Корфу. Наконецъ все устроилось. Священники Греческой церкви свидѣтельствовали, что „преподобный іеромонахъ Рувимъ, архимандритъ бывшій Россійскаго Тихвинскаго монастыря, и Василій Барскій Россіянинъ, изъ славнаго богоспасаемаго града Кіева“, находясь „въ семъ избранномъ и всегда царствующемъ градѣ Венеціи, подали знаки истинныхъ христіанъ; ибо какъ къ исповѣди, такъ и къ Святому Причастію въ учрежденныя времена благоговѣйно ходили. Сего ради рекомендуемъ ихъ всѣмъ православнымъ христіанамъ“.

28 февраля 1725 года, Рувимъ и Барскій оставили Венецію и поплыли къ острову Корфу. Когда корабль присталъ къ городу Ленсинѣ, то наши странники вышли на берегъ и посѣтили Греческій монастырь Св. Параскевы, и благодарили Бога, „яко уже начали въ *благодетивыя* входить страни“.

Вообще тяжело было это путешествіе о. Рувиму и Барскому. Взятые на корабль Христа ради, они принуждены были цѣлыя дни проводить, что называется, въ проголодь. Хозяинъ корабля Латынянинъ, такъ ихъ любилъ, „яко волеъ агнца“, видѣть же ему ихъ было такъ пріятно, „яко соль въ очесехъ.“ И повѣрь мнѣ, „благій читателю“, продолжаетъ

Барскій, что Латыни гораздо болѣе любятъ жида и турка, чѣмъ насъ православныхъ. Въ наши дни, когда такъ часто приходится слышать: „*Православіе падаеть; надо поддержать Православіе*“, какъ-бы въ опроверженіе этихъ богохульныхъ жалобъ и дерзостныхъ намѣреній, изъ глубины православно-вѣрующей души Барскаго вылились слѣдующія вдохновенныя строки: „Но не удивляйся сему, православный читателю! Изначала бо міра никогда въ мирѣ не бысть церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ еретиковъ и иныхъ враговъ, иногда и отъ своихъ величавыхъ и високомудръствующихъ Латиновъ, но никогдаже, ни отъ когоже преодољнна бываетъ, ниже будетъ. Стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ въ семь мірѣ, аки солнце, свѣта на благія и злыя, пребываетъ тверда, аки алмантъ, процвѣтаетъ яко кринь посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любви, яже къ Богу, егоже никакимъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтри угасити не могутъ; никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь“.

На пустынномъ попутномъ островкѣ встрѣтили наши путники Свѣтлое Воскресеніе. Имѣя съ собою „полуставъ великій“, пропѣли они „все правило Воскресенію Христову и цѣловали первѣе крестъ святой, таже другъ друга, по обичаю Христіанскому, глаголюща: Христось воскресъ! во истину воскресъ!“ И вспомнилось имъ, какъ на родинѣ въ эти дни торжествуютъ и пиршествуютъ ихъ родители, родственники, друзья и всѣ православныя Христіане, „адуще, піюще и поюще въ славу Христа воскресшаго“.

7-го апрѣля 1725 года, наши странники подплыли къ острову Корффу. Барскій, любуясь представившеюся его взорамъ картиною прекрасныхъ горъ, долинъ, деревень, садовъ масличныхъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ „вѣру нашу православную, на благой, мягкой и плодovitой посаждаетъ землѣ“. Въ Корффу Рувимъ и Барскій пріютились при церкви, гдѣ почиваютъ мощи Угодника Божія Спиридона, Тримифунскаго Чудотворца. Вскорѣ они завели знакомство съ Корффіотами. Многіе изъ нихъ стали приглашать Рувима совершать литургію и святить воду. При этомъ нельзя не замѣтить, что архимандритъ Рувимъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ томъ числѣ и Греческаго, и слѣдовательно служилъ литургію для Корффіотовъ на Славянскомъ языкѣ.

Въ началѣ мая 1725 года, наши странники, „именемъ Христовымъ“, поплыли въ Хіосъ; достигнувъ мѣстечка Миконо, лежащаго на одномъ маленькомъ островѣ, они вступили въ Турецкія владѣнія. Слышавъ, что Россія не мирна съ Турціею, они побоялись выходить на берегъ, дабы не сдѣлаться невольниками. Но онасенія ихъ были напрасны и Турокъ ихъ „ни о чемъ же вопросы“. Таже боязнь овладѣла ими, когда они пристали къ острову Хіосу, но также напрасно. Черезъ Греческаго толмача Турецкій чиновникъ задалъ имъ обычные вопросы: „откуда есми, и почто пріидохомъ тамо и камо грядемо“? На эти вопросы отвѣчалъ Барскій и за себя, и за своего старца. Потомъ Турокъ потребовалъ патенты, и, посмотрѣвъ на нихъ, какъ выражается Барскій, „своима очима скверними сѣмо и овамо“, сказалъ: идите куда хотите. Барскій вознесъ благодарственную мо-

литву Богу за то, что Онъ „умягчи сердце нечести ваго“, который не только не взялъ съ нихъ дани, но даже не сказалъ и дурнаго слова.

Наши странники, узнавъ, что на островѣ Хіосѣ преbываетъ Іерусалимскій патріархъ Хрисанъ, пріѣхавшій сюда просить милостыни на искупленіе Гроба Христова, немало сему удивились, что „самъ труждается, бывши толь великая персона“. 4) Они не замедлили явиться къ патріарху за благословеніемъ и совѣтомъ. Когда они сообщили патріарху о своемъ намѣреніи отпра-виться въ Іерусалимъ, то онъ объявилъ имъ, что на это путешествіе потребуется не менѣе 100 левовъ; но когда наши странники отвѣтили ему, что они и третьей части не имѣютъ этой суммы, въ такомъ случаѣ и не помышляйте объ этомъ путешествіи, сказалъ имъ патріархъ. Это обстоятельство „превратило мысли“ нашихъ путниковъ и измѣнило весь планъ ихъ странствованія. Они рѣ-шились вмѣсто Іерусалима идти на Аѳонъ. Барскій думалъ только поклониться Святинямъ, а потомъ воз-вратиться въ отечество, а Рувимъ — на всегдашнее тамъ пребываніе. Но Всевышній судилъ иначе. Архи-мандритъ Рувимъ Гурскій, уже преутружденный старецъ, внезапно заболѣлъ и скончался въ Хіосѣ. „И погребоша

---

4) *Хрисанъ*, патріархъ Іерусалимскій съ 1707 по 1731 г. Уро-женецъ Константинополя, родственникъ Іерусалимскаго патріарха Досея, которому онъ наслѣдовалъ. Учился въ Константинополѣ, Италіи и посѣтилъ Европейскіе университеты. Извѣстенъ какъ зна-токъ патристики, классическихъ языковъ и метафизики и особенно какъ хорошей проповѣдникъ. Въ его патріаршество исправленъ храмъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Свое описаніе Св. Града онъ посвя-тилъ императору Петру Великому.

его честно съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ“, подѣ спудомъ одной прекрасной церкви во имя Св. Виктора. Покойнаго отпѣвали 15 священниковъ. „И азъ“, пишетъ Барскій, „присутствовахъ, провождая его честнѣи мощи въ гробу, плача и ридая“.

Надъ одиночествомъ Барскаго и его безденежемъ сжалились Греческіе купцы и въ-особенности одинъ изъ нихъ по имени Іоаннъ Маврокордато, который съ ногъ до головы одѣлъ Барскаго и далъ ему возможность доѣхать до Солуня, куда онъ и приплылъ 23 сентября 1725 года, испытавъ сильную бурю. Въ Солуни онъ провелъ только день и имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ своими соотечественниками, а также и съ Болгарами. Они его угостили и проводили въ до-рогу.

На Аѳонъ Барскій отправился пѣшкомъ и претерпѣлъ много путевыхъ невзгодъ. Наконецъ, 5 октября, онъ достигъ Аѳона. „Желаше бо душа моя зѣло“, пишетъ онъ, „поклонитися оному святому мѣсту, прекрасному иноческому жилищу“. На Аѳонѣ Барскій окончилъ 1725 и встрѣтилъ новый 1726 годъ. Начавъ съ Изографа и кончивъ Кастамонитомъ, Барскій обошелъ всѣ монастыри Аѳонскіе. Мѣстопробываніемъ его былъ монастырь Св. Пантелеймона. Изъ Русскихъ въ этомъ монастырѣ былъ только одинъ человекъ, а то или Греки, или Болгаре. По замѣчанію Барскаго, „наша Русь не токмо тамо“, но и ни въ какомъ другомъ Аѳонскомъ монастырѣ долго не можетъ жить, „развѣ кто подражаетъ Іовлеву терпѣнію“; а прочіе бѣгутъ оттуда, „яко дивіе серны отъ тенета“. Это явленіе Барскій объясняетъ ма-

теріальною забезпеченністю нашихъ монастирей, которые въ то время владѣли деревнями. Эта забезпеченность давала нашимъ инокамъ возможность жить въ монастиряхъ какъ „святыя въ раю“, во всякомъ доволствѣ и безмолвіи“ и думать исключительно о своемъ спасеніи. Между тѣмъ Аѳонскіе монахи принуждены день и ночь трудиться, работать „съ изліяніемъ пота, днемъ копающе землю, ноцію же труждаются о спасеніи своемъ“. И самому Барскому нелегко было жить на Аѳонѣ. „Богъ же вѣсть“, пишетъ онъ, „коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребываючи въ Горѣ Аѳонской“. Ему пришлось вынести цѣлое гоненіе за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у папы. Его даже не допускали до причастія, и только послѣ архіерейскаго разрѣшенія онъ былъ допущенъ къ „Преинасвятѣйшей Евхаристіи“.

Получивъ свѣдѣнія, что „повсюду миръ и тишина слышится“, Барскій, 1 февраля 1726 года, вышелъ изъ Святой Горы обратно въ Солунь, и здѣсь прожилъ до сентября 1726 года. Благопріятный случай доставилъ ему возможность помѣститься безмездно на кораблѣ, плывшемъ съ поклонниками въ Святую землю. Въ концѣ сентября, Барскій прибылъ въ Яффу. По пути онъ заѣзжалъ въ Родось и Кипръ. На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ Барскаго стоящимъ за дверьми гостиницы, когда другіе кушали, и „созирающимъ бывшее“ и тутъ же, по окончаніе стола, вмѣстѣ съ слугами питающимся остатками отъ общей трапезы.

Передъ выѣздомъ поклонниковъ изъ Яффы въ Иерусалимъ, Турецкій папа занялся сборомъ съ нихъ обычной дани. По обычаю, дань собиралась съ духовныхъ вдвое

меньше, чѣмъ съ мірскихъ. Барскій, по совѣту Іерусалимскихъ протосингеловъ, сказался инокомъ. Въ долгомъ путешествіи, замѣчаетъ онъ, обросъ я длинными волосами и малою бородою, а черныя ризы всегда носилъ. Еслибы Барскій сказался міряниномъ, хотя бы и былъ въ худѣйшемъ рубищѣ, а дань заплатилъ бы наравнѣ съ прочими мірянами: „не зреть бо невѣрній на нищету, но токмо исчисляетъ глави“.

28 сентября 1726 года, караванъ поклонниковъ вышелъ изъ Іѳфы. Барскій, вмѣстѣ съ другими бѣдняками, шелъ за караваномъ пѣшкомъ. „Сіи на верблюдахъ, аки на колесницехъ“, пишетъ онъ, „ми же во имя Господа Бога нашего грядою пѣши“. Между Рамлэ и Іерусалимомъ Барскій былъ ограбленъ и избитъ Арабами, которыхъ онъ называетъ Еѳіопами. Изобразивъ въ самомъ гнусномъ видѣ этихъ Еѳіоповъ, преграждающихъ путь къ Святому Граду, Барскій какъ-бы испугался, чтобы описаніемъ своимъ не отвлекъ другихъ отъ путешествія ко Святому Гробу, и слѣдуетъ оговориться: „сія убо толь многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усомнѣвайся и не угашай любовію горящее сердце твое къ Мѣстомъ Святымъ. Всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ Святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще же кто хоцетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ серебромъ всякое завистное око: что бо есть раздати таларь или два Еѳіопомъ, любве ради Божія и Мѣсть Святыхъ“? Въ заключеніе Барскій взываетъ къ своимъ соотечественникамъ и ко всѣмъ христіанамъ: „Богомъ избран-

ній Російській роде и вси повсюду далече отстоящіи христіане! потщитесь отъ всего сердца вашего простерти нозѣ вапа на шествѣе къ Святимъ Мѣстомъ и руки въ подаваніе милостини на откупленіе тѣхъжде, студь бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрныхъ. Несите же имѣнія вапа съ собою, и положите я въ неветшающемъ влагалици, въ гробъ Христа Спасителя“.

30 сентября 1726 года, въ пятницу, въ самый полдень, Барскій, съ караваномъ верблюдовъ, вступилъ на то священнѣйшее мѣсто, которое „присносущное Слово, явлшися на земли во плоти, хожденіемъ и страданьми осяяти и прослави“. И Барскій, позабывъ свои скорби и печали, „возрадовался зѣло“.

Въ Іерусалимѣ Барскій встрѣтилъ новый 1727 годъ. Онъ обошелъ окрестности Святаго града. Былъ на Іорданѣ и на Мертвомъ морѣ, посѣтилъ Виелеемъ и неоднократно бывалъ въ Лаврѣ Св. Саввы. Въ заключеніе своего описанія Іерусалима, Барскій пишетъ: „Слаблю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко способности мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онимъ. Еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ правовѣрныхъ христіанъ, отъ всего сердца желающихъ дойти и поклонитися тамо, еже все-силою Его помощію буди, буди. Аминь“.

Въ Ѳоминъ понедѣльникъ Барскій вышелъ изъ Іерусалима обратно въ Яффу. Отсюда онъ имѣлъ желаніе и попеченіе отправиться на Синай, и 17 апрѣля поплылъ по направленію къ Даміетѣ. Но буря отнесла корабль къ острову Кипру. Въ этомъ Барскій усмотрѣлъ волю Божию:

„да должное святымъ мѣстомъ, въ Кипрѣ обрѣтающимся, воздамъ поклоненіе“. Барскій пребылъ на островѣ Кипрѣ до 18 іюля, странствуя по городамъ и монастырямъ.

Въ концѣ іюля, мы видимъ Барскаго уже въ Каирѣ. Патриархъ Александрійскій Косма сжалился надъ нимъ, видя его пришедшимъ сюда изъ такихъ далекихъ странъ, и приютилъ на своемъ подворьѣ. Барскій рѣшился жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти въ Синаю. Чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, Барскій сѣдался трапезаремъ; а чтобы не терять даромъ времени, сталъ упражняться въ Греческомъ языкѣ. Его очень полюбили Каирскіе иноки, и онъ иногда прогуливался съ ними по Каиру, любуясь красотою и величіемъ города и наблюдая народные обычаи. Болѣе восьми мѣсяцевъ суждено было Барскому прожить въ Каирѣ, гдѣ и встрѣтилъ онъ новый 1728 годъ. Въ день Богоявленія, Барскій, вмѣстѣ съ патриаршими иноками, обходилъ дома и носилъ сосудъ со святою водою; это дало ему возможность собрать на дорогу „нѣсколько пѣнизей“.

Послѣ разныхъ трудностей, казалось непреодолимыхъ, Барскій проникаетъ, наконецъ, въ Синай. Здѣсь онъ провелъ цѣлую недѣлю и обозрѣлъ всѣ святыя мѣста, прославленныя священными воспоминаніями о Боговидцѣ Моисеѣ и о Св. Великомученицѣ Екатеринѣ. Проведши Свѣтлое Воскресенье въ Суезѣ, Барскій съ караваномъ возвратился въ Каиръ.

1 іюля 1728 года, Барскій сѣлъ въ Даміетѣ на корабль и вышелъ на берегъ въ древнемъ Сидонѣ. „И ту“, пишетъ онъ, „наченши даже до Антиохіи на востокъ солнца протяжеса престоль святѣйшаго патриарха Антио-

хійскаго“. На первыхъ же порахъ, Барскій былъ пораженъ до глубины души тѣми церковными нестроеніями, которыя были произведены Римскою униєю: „Многая нестроенія видѣхъ азъ тамо, соблазнихся. Богъ тоѣмо да уврачуеть Церковь Христову православную“⁵⁾. Изъ Сидона, нынѣшняго Саида, Барскій прошелъ берегомъ Средиземнаго моря, чрезъ Бейрутъ до Триполя. Въ монастырѣ Св. Георгія онъ имѣлъ преніе о догматахъ вѣры съ уніатскимъ патріархомъ Кирилломъ, который хвалилъ уніатовъ, а всѣхъ Грековъ, „купно съ святѣйшими патріархи“, называлъ еретиками. Изъ Триполя Барскій пустился по предгоріямъ Ливана, усѣяннмъ монастырями Маронитовъ, и восходилъ до черты знаменитыхъ кедровъ Ливанскихъ. Совершивъ это путешествіе, Барскій благодарилъ Бога, „яко сподоби“ его, по желанію его, посѣтитъ всѣ обители Трипольскія и видѣтъ

---

⁵⁾ Въ это время патріархомъ Антиохійскимъ былъ Сильвестръ, родомъ съ острова Кипра. Онъ былъ архидіакономъ при Антиохійскомъ патріархѣ Аѳанасіи, который передъ смертію своею назначилъ его своимъ преемникомъ. Въ это время Сильвестръ находился на Аѳонѣ. Константинопольскій Синодъ, узнавъ о желаніи покойнаго патріарха Аѳанасія, вызвалъ Сильвестра въ Константинополь и 27 сентября 1724 года рукоположилъ его въ патріарха. По отзыву современниковъ, это былъ мужъ „незловивый, нековарный, несребролюбивый, паче же добродѣтельный и многомилостивый, хранитель отеческихъ преданій, знатокъ правилъ церковныхъ, исполнитель церковныхъ чиноположеній и уставовъ, но не обладалъ политическимъ тактомъ, а мнѣнія его были переменчивы“. Сильвестръ скончался 13 марта 1766 года, бывши на патріаршествѣ 39 лѣтъ. Во время своего патріаршества онъ неоднократно принужденъ былъ оставлять свой престолъ, побуждаемый къ тому противною ему партіею, поставившею антипатріархомъ Кирилла (Шорфирій, „Списокъ Антиохійскихъ патріарховъ“).

гору „препрославленную Ливанъ, и монастыри и кедрѣ, аже въ ней“, о чемъ другіе знали только по-наслышкѣ.

2 сентября 1728 года, мы видимъ Барскаго въ древнемъ Геліополѣ, нынѣшнемъ Бальбекѣ. Геліопольскія развалины привели его въ изумленіе: „О Боже всеилній!“ восклицаетъ онъ „дивенъ еси въ твари твоей! Какови ти биша людіе и какови имѣяху храбрости, и како толь безмѣрную тяготу вознесоша на сицевую висоту!“ Черезъ сто двадцать два года, это же мѣсто посѣтилъ нашъ знаменитый писатель князь П. А. Вяземскій и вынесъ оттуда одинаковое съ Барскимъ впечатлѣніе: „Поразительно видѣть“, пишетъ онъ, „что дѣлали люди за нѣсколько тысячъ лѣтъ до насъ, какими громадами они поворачивали и какія памятники воздвигали. Въ сравненіе съ ними, наши монументальныя зданія—карточные домики и дѣтскія игрушки; а Краевскій толкуетъ о прогрессѣ! Пришелъ бы онъ посмотрѣть на развалины храма Бальбека, посудить по немъ, чѣмъ долженъ былъ быть городъ, вмѣщавшій въ стѣнахъ своихъ такое громадное зданіе. На какую высшую степень просвѣщенія, промышленности и художественности такое строеніе указываетъ, и сравнить все это съ опустѣніемъ, невѣжествомъ и бѣдностью духовною и матеріальною, которыя овладѣли нынѣ этимъ мѣстомъ“. (*Путешествіе на Востокъ*. Изд. Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1883. стр. 99—100).

Изъ Геліополя Барскій отправился въ столицу Антіохійскаго патріарха, во „всей вселенной“ знаменитый городъ Дамаскъ. Для путешественника по безводнымъ пустынямъ отраднo было видѣть въ Дамаскѣ множество садовъ и

источниковъ „приснотекущихъ“. Не процвѣтало лишь православіе въ Дамаскѣ. Тамъ Барскій увидѣлъ магометанъ, католиковъ, уніатовъ, армянъ, маронитовъ, евреевъ, а православныхъ христіанъ оказалось самое наименьшее число, да и тѣ, по наблюденію Барскаго, были не весьма тверды въ вѣрѣ. Самого патріарха Сильвестра въ это время не было въ Дамаскѣ, онъ пребывалъ въ Константинополѣ, „ради смущенія христіанскаго отъ уніатовъ“. Наканунѣ Михайлова дня 1728 года, Барскій прибылъ въ Антиохію. „И много труда подяхъ“, пишетъ Барскій о своемъ путешествіи въ Антиохію, „и возліяша дождеве вели, и возвѣяша вѣтри хладни, и измокоша одежди моя даже до хитона, и чухъ отчасти болѣзнь тѣлеси“. Но когда на пути онъ увидѣлъ „нивы Антиохійскія“, разрушенную церковь и крестъ, съ надписью: *Крестъ падающихъ востаніе*, то забылъ всѣ печали и труды свои, поклонился святому кресту и съ радостнымъ чувствомъ вошелъ въ Антиохію. Здѣсь Барскій встрѣтился съ „торговцами Греческими, пришелцами отъ земли Болгарской, отъ града Филипополя“, которые угостили нашего путешественника „трапезою и одромъ честно“. Эта встрѣча произвела на Барскаго отрадное впечатлѣніе, „яко языкомъ ихъ сбесѣдовахъ“. Народъ ихъ, замѣчаетъ Барскій, есть „естественно страннолюбивъ“. Печальную картину взорамъ Барскаго представилъ „сей иногда преславній и великій, именуемій Божій градъ Антиохія“. Въ 1728 году городъ этотъ казался селомъ. Въ бывшей столицѣ Антиохійскаго патріарха, Барскій не нашелъ ни одной церкви, а тамошніе магометане ненавидѣли христіанъ и стремились выжить ихъ изъ Антиохіи. Но хри-

стіане, тамъ живущіе, съ угѣшеніемъ замѣчаютъ Барскій, „не точію не умаляются, но паче избыточествуютъ“.

Достигнувъ границъ, отдѣляющихъ Антиохійскій патриархатъ отъ Константинопольскаго, Барскій располагалъ отплыть моремъ въ Константинополь, „понеже“, — пишетъ онъ — „утрудихся и возненавидѣхъ по вся дни шествующи землею“. Но жестокая лихорадка заставила Барскаго измѣнить планъ своего путешествія; онъ уклонился отъ моря и направился въ Алеппо. Въ маленькомъ городѣ Бейланѣ онъ присоединился къ купцамъ, ѣхавшимъ на верблюдахъ въ Алеппо. Не найдя въ этомъ городѣ пріюта у митрополита, который оказался гордымъ, скупымъ и „странноненавистнымъ“, Барскій отправился на торжище и водворился въ одномъ купеческомъ дворѣ. Болѣзнь замедлила выѣздъ его изъ Алеппо. Между тѣмъ приближался праздникъ Рождества Христова, и Барскій былъ опечаленъ тѣмъ, что не могъ найти въ Алеппо православнаго священника, который бы его исповѣдалъ и причастилъ. По этой причинѣ онъ отправился въ близлежащее мѣстечко Етлингъ, въ которомъ жили православные христіане; но и здѣсь онъ не могъ найти Греческаго священника и принужденъ былъ исповѣдываться у Арабскаго. Обстоятельство это открываетъ намъ, что Барскій зналъ и по-арабски.

1729 годъ Барскій встрѣтилъ на пути въ Триполь, въ монастырѣ Св. Георгія. Игуменъ принялъ его „честно“ и отвелъ ему особую келію. Получивъ нѣкоторое облегченіе въ болѣзни, Барскій замыслилъ вторично посѣтить Іерусалимъ, уповая отъ „Святыхъ Мѣстъ“ совершенное получить здравіе“. Путь Барскаго во Святый

градъ шель черезъ Триполь, Назареть, Самарію. Близъ Іерусалима Барскій опять попалъ въ руки разбойниковъ, которые его не только избили, но и „отъ одеждъ обнажиша въ вся“. Къ довершенію бѣды, у него не оказалось денегъ, для уплаты „магометанскихъ даней“. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Барскій рѣшился прикинуться юродивымъ Христа ради, „безчинствуя и неподобная глаголай“ и „быль въ поруганіе всему народу“, и въ такомъ видѣ дошелъ, 23 марта 1729 г., „даже до Святаго града“. Проведя здѣсь Пасху и посѣтивъ еще разъ окрестности до Виолеема, Барскій отправился въ Яффу, а отсюда, 15 мая, въ Птоломаиду. За тѣмъ посѣтилъ вторично Назареть, прошелъ всю Галилею до источниковъ Іордана, всходилъ на Оаворъ и Кармилъ, посѣтилъ остатки Каны Галилейской, видѣлъ мѣсто благословенія пяти хлѣбовъ, гору Блаженствъ, съ которой, замѣчаетъ Барскій, „Господъ нашъ Іисусъ Христосъ глаголаше: *Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* и прочая“. Съ Кармила Барскій спустился въ Птоломаиду, а оттуда, черезъ нѣсколько дней, отплылъ „ладією по морю“ къ Триполю.

Сердце путника уже жаждало возвратиться въ богоспасаемый градъ Кіевъ. Онъ видѣлъ все, что желалъ видѣть. Царьградъ, святилище Православія, гдѣ онъ еще не былъ, лежалъ на пути въ Россію. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Слѣдующее обстоятельство заставило Барскаго остаться въ Триполѣ: въ этомъ городѣ существовало Греческое православное училище, основанное тогдашнимъ патріархомъ Антиохійскимъ Сильвестромъ, съ тою цѣлью, чтобы умножить, по словамъ Барскаго,

„разумнихъ и словесныхъ мужей и искусныхъ философовъ“, способныхъ бороться съ врагами церкви Христовой. Дидаскаломъ этого училища былъ іеромонахъ Іаковъ съ острова Патмоса. Барскій не находить словъ для похвалы этому достойному мужу. Равнаго ему, пишетъ Барскій, „ни въ Іерусалимѣ отъ отецъ, ни въ горѣ Синайской, ни обрѣтающихся въ горѣ Аѳонской, обрѣсти ми не случися“. Іаковъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, уговорилъ его остаться въ училищѣ для изученія Греческаго языка. Это предложеніе совпало съ завѣтными мыслями Барскаго, и онъ остался въ Триполѣ и прожилъ здѣсь при своемъ дидаскалѣ съ августа 1729 по іюль 1730 года: „начертахъ на сердци моемъ“, пишетъ Барскій, „благій по Бозѣ житія его образъ“. Въ іюлѣ 1730 года, Барскій долженъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египетъ, частію по порученію своего дидаскала, а частію по собственнымъ дѣламъ, „для поклоненія святѣйшему патріарху Космѣ“ и для принятія благословенія его къ собиранію милостыни. Патріархъ принялъ Барскаго „благимъ сердцемъ и лицомъ веселимъ“, исполнилъ его просьбы и далъ ему пріютъ на своемъ патріаршемъ дворѣ.

Въ концѣ 1730 года, Барскій вернулся въ Триполь и продолжалъ тамъ свои занятія Греческимъ языкомъ. Лѣтомъ 1731 года, Барскій былъ посланъ своимъ дидаскаломъ на островъ Патмосъ къ тамошнему богослову іеродіакону Макарію для рѣшенія недоумѣній по поводу одного вопроса, возбужденнаго въ Антіохіи спорами панистовъ и уніатовъ съ православными.

На островѣ Патмосѣ, при святой пещерѣ, „въ нейже Свя-

тый Іоаннъ Богословъ исписа Божественное Евангеліе и Откровеніе, якоже пишутъ древнія книги Греческія кожанія“, процвѣтало Греческое училище, подѣ руководствомъ іеродіакона Макарія, который, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, „займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ. Не знаю“, пишетъ далѣе Ламанскій, „сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженикѣ просвѣщенія и народности; во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія“. О самомъ же Барскомъ, по поводу пребыванія его на Патмосѣ, Ламанскій замѣчаетъ, что будущій историкъ этого священнаго острова „конечно не преминетъ упомянуть о немъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ“. Барскій, во время пребыванія своего на островѣ Патмосѣ, каждый день ходилъ въ училище; „и вѣдѣхъ“, пишетъ онъ, „оного избраннаго мужа бистроуміе и добродѣтель, и чудихся“. О Макаріи, полюбя Барскаго, совѣтовалъ ему оставить странническую жизнь и заняться изученіемъ Греческаго языка „на ползу“ себѣ и отечеству. „Ажъ же“, простодушно сознается Барскій, „тогда младъ суци, и аки младъ мудрствующѣ же услаждахся лучше путешествіемъ, исторіею разныхъ мѣстъ, нежели поученіемъ“. Но тѣмъ не менѣе, совѣтъ Макарія Барскій навсегда сохранилъ въ сердцѣ своемъ.

Не безъудовольствія здѣсь замѣтимъ, что въ нашемъ отечествѣ, еще въ XIV столѣтіи въ Ростовѣ Великомъ существовалъ при архіерейскомъ домѣ иноческій затворъ богослововъ. Здѣсь учились и подвизались иноки-богословы, къ числу коихъ принадлежали: Просвѣтитель Перми Св. Стефанъ

Пермскій, агиобіографъ преподобнаго Сергія—Епифаній Премудрый, преподобный Григорій Пельшемскій, Вологодскій чудотворецъ. Тамъ были ученые пренія, и братство иноковъ пѣло службу церковную по-Славянски и по-Гречески. Но на преднее возвратимся.

Исполнивъ въ Патмосѣ возложенное порученіе, Барскій отправился обратно въ Триполь. По пути онъ заѣзжалъ въ Самосъ, гдѣ, между святыми памятниками христіанства, не забылъ посѣтить горы, носящія имя Пифагоровыхъ.

Въ Хіосѣ Барскій встрѣтилъ новый 1732 годъ и нашель тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ, „мужей благородныхъ“, и помянулъ скончавшагося здѣсь спутника своего о. Рувима. Узнавъ, что на Самосѣ пребываетъ блаженнѣйшій патріархъ Антіохійскій Сильвестръ, котораго онъ еще не имѣлъ счастья видѣть, отправился туда. Въ патріархѣ Барскій увидѣлъ „мужа возрастомъ и умомъ благонравна, и добродѣтельна и милосердна“.

Къ концу 1732 года, Барскій вернулся въ Триполь. Новый 1733 годъ былъ нерадостенъ для Триполянъ: у нихъ появилась чума. Возвратившійся въ Дамаскъ патріархъ Сильвестръ, узнавъ объ этомъ бѣдствіи, написалъ дидакалу Іакову „повелительную“ грамоту: „да приидеть съ всѣми, малими же и великими, учениками“ въ Дамаскъ. За учителемъ и учениками послѣдовалъ также нашъ Барскій и въ великій четвергъ (22 марта 1733 г.) имѣлъ уже утѣшеніе присутствовать при патріаршемъ богослуженіи.

Въ описываемое время отправлялся изъ Дамаска въ Москву, по своимъ торговымъ дѣламъ, одинъ богатый купецъ, по имени Спандонѣй „мужъ“, по отзыву Барскаго, „благороденъ и благоразуменъ“. Пользуясь этою оказіей, Барскій написалъ къ своимъ родителямъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Пребываю до времени въ престолѣ Антиохійскомъ, въ пресловутомъ и въ великоименитомъ градѣ Дамаску, въ дворѣ святѣйшаго патріарха господина киръ Сильвестра, иже великую ко мнѣ показываетъ любовь, страннолюбіе, и учусь въ его училищѣ по Греческу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ своихъ родителей принять Спандонѣя и „почтита честно, понеже мой есть зѣло любезный другъ“. Но дружба Барскаго съ Спандонѣемъ въ послѣдствіи рушилась. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельства, хотя и неясныя, въ сохранившейся перепискѣ Барскаго съ Антиохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ.

Усиливающаяся съ каждымъ днемъ Римская пропаганда принудила патріарха Сильвестра послать „словеснѣйшаго дидаскала“ Іакова „въ предѣли Сирии и въ весь Антиохійскій престоль, ради проповѣди Божія Слова и утвержденія православныхъ“. По отшествіи о. Іакова, школа осталась безъ учителя, и Барскій рѣшился удалиться на островъ Патмосъ къ іеродіакону Макарію, „къ совершенію ученія Греческаго“. Но патріархъ, очень полюбившій Барскаго, желалъ удержать его при себѣ, и 1 января 1734 года самъ постригъ его въ монашескій санъ. Родные Барскаго узнали объ этомъ важномъ событіи его жизни не ранѣе какъ черезъ восемь лѣтъ, когда онъ уже пребывалъ на островѣ Патмосѣ. Въ

письмѣ отъ 12 марта 1742 года, къ его брату Ивипу, мы читаемъ: „Еще мнѣ пишешь, хотяи увѣдати: аще инокъ есмь, или мірскій? Что ти полза будетъ, аще извѣстишся? Рци мнѣ по истинѣ, брате, коего бы лучше хотѣлъ мя еси быти, мірскаго ли, или инока? И тогда ти исповѣмъ истину. Ушесамъ не вѣруй и словамъ чуждымъ. Аще Богъ изволитъ, узришь мя, и тогда познаешъ, кто есмь, яко есмь непотребній рабъ Господень и мнѣи нежелю мя мниши быти“.

Но ни расположеніе патріарха, ни постриженіе въ монахи не измѣнили намѣренія Барскаго удалиться изъ Дамаска. Вѣрный своему призванію пилигрима и любознательнаго путешественника, инокъ Василій не хотѣлъ оставить Сиріи, не осмотра въ ней всего, что можно было видѣть. Съ этою цѣлью онъ снова отправился къ верховьямъ Иордана и оттуда проникъ даже въ Харранъ, отечество Өарры, отца Авраама. Отъ этого путешествія у Барскаго сохранились, между прочимъ, воспоминанія о пребываніи въ одномъ селѣ, въ которомъ большинство жителей были магометане, а меньшинство христіане. Тамъ очень полюбили его „ради поученія и собесѣдованія“.

Въ Дамаскъ Барскій вернулся съ караваномъ богомольцевъ, ѣхавшихъ изъ Мекки. О своихъ спутникахъ, Меккскихъ богомольцахъ, Барскій пишетъ, что вообще они отходятъ въ Мекку „надменни, яростни, неприступни, горди, богати и здрави“, а возвращаются оттуда „кротки, смиренни, убоги, немощни“. Никто изъ Меккскихъ богомольцевъ и не подозрѣвалъ, что съ ними ѣдетъ христіанинъ, такъ какъ Барскій, будучи въ „худомъ и странномъ одѣянніи“,

являлъ собою образъ дервиша, то есть „убогаго Турецкаго путника“. Благодаря своему убогому виду, путникъ нашъ, по прїѣздѣ въ Дамаскъ, вмѣстѣ съ богомольцами проникъ въ неприступную для христіанъ Турецкую мечеть. Мечеть эта, нѣкогда соборная церковь Іоанна Предтечи, давно привлекала вниманіе Барскаго и онъ многократно любовался ея наружнымъ видомъ. Теперь онъ проникъ туда, подъ видомъ дервиша, съ молитвою къ щедрому Богу: „да сподобитъ“ его „внйти и поклонитися въ святыи и прекрасній Его храмъ, кромѣ всякія пакости душевнія же и тѣлеснія“. Полчаса провелъ Барскій въ этомъ недоступномъ святилищѣ, „сѣмо и овамо обходящи, ни отъ коегоже вопрошаемъ, ниже стужаемъ“. Изъ мечети, Барскій, не переодѣваясь, отправился прямо на патриаршіи дворъ. „И чюдяхуся вси, полагающе на себѣ крестное знаменіе, недоумѣвающе въ себѣ и глаголющи: Василій ли есмь“? Самъ святѣйшій патриархъ не мало удивился „толь хитростному притворенію“. Патриархъ продолжалъ оказывать Барскому свою любовь и почтеніе и по прежнему приглашалъ его къ своей трапезѣ.

Барскій думалъ пробыть въ Дамаскѣ только нѣсколько дней и затѣмъ направить свой путь на островъ Патмосъ. Но и на этотъ разъ планъ его не исполнился. Болѣзнъ приковала его къ Дамаску, доколѣ не узналъ, что въ Триполь отправляются протосингель патриаршіи съ іеромонахомъ. Не желая упустить столь любезныхъ и добрыхъ сопутниковъ, Барскій, не смотря на то, что еще неполнѣ оправился отъ болѣзни, сталъ настоятельно просить святѣйшаго патриарха „да отпуститъ его съ миромъ“ въ Триполь. Патриархъ, принимая участіе въ Барскомъ, удер-

живаль его въ Дамаскѣ, но въ концѣ концовъ отпустилъ, давши ему осла для путешествія.

Въ Триполѣ, по болѣзни, Барскій долженъ былъ прожить до половины сентября 1734 года и вмѣсто Патмоса попалъ на островъ Кипръ. Наслышавшись о мудрости и добродѣтельной жизни архіепископа Кипрскаго Филоея, онъ счелъ своимъ долгомъ, по прїѣздѣ въ Кипръ, отправиться къ нему въ Левкосію. Архіепископъ, узнавъ, что Барскій владѣеть Латинскимъ языкомъ, убѣдилъ его остаться на зиму при себѣ, для преподаванія этого языка въ православномъ Греческомъ училищѣ. Нашъ странствователь Барскій преклонился „благоувѣтливимъ его словесемъ“. Архіепископъ помѣстилъ его на своемъ дворѣ и оказывалъ ему „почестъ и любовь великую“. Барскій же позналъ въ архіепископѣ Филоеѣ „мужа мудра, благонравна, добродѣтелна, словесна и велие попеченіе имуща о поученіи“. Учительство Барскаго продолжалось съ октября 1734 и до апрѣля 1735 года. Бѣдствія, постигшія Кипръ, прервали его занятія. На Святой тамъ было страшное землетрясеніе. Къ этому бѣдствію вскорѣ присоединилось и другое—чума. Тогда архіепископъ „изіиде отъ престола“ и уединился въ одномъ изъ далекихъ монастырей. А нашъ о. Василій, „облекшись въ худи ризы и изіиде отъ града Левкосія, и шествова пѣшеходно между горами и пустынямы, проходящи отъ монастыря въ монастырь зрѣнія ради и поклоненія“.

Осмотрѣвши въ теченіи полугода (съ конца апрѣля и до ноября почти) всѣ Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію и помѣстился, по прежнему, на архіерейскомъ дворѣ, съ намѣреніемъ вскорѣ отправиться на островъ Патмосъ, „ползованія ради Греческихъ ученій“; но лихорадка и

приближающееся время платы хараджа, который Турки ежегодно взимають со всѣхъ иновѣрцевъ, задержали Барскаго въ Кипрѣ. Въ это время прибыль на этотъ островъ благодѣтель Барскаго, святѣйшій патріархъ Антіохійскій Сильвестръ, а съ нимъ вмѣстѣ и возлюбленный Барскимъ дидакаль, іеромонахъ Іаковъ. Патріархъ долженъ былъ оставить свой престоль вслѣдствіе гоненія „отъ христоненавистныхъ папистовъ“, которые стремились „превратить въ свою ересь“ всѣхъ православныхъ христіанъ.

На островѣ Кипрѣ Барскій прожилъ до августа 1736 года. Возникшая война между Россією и Турцією понудила его поспѣшить отъѣздомъ на островъ Патмосъ. Послѣ „многмятежнаго и прискорбнаго шествованія морского“, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, Барскій достигъ наконецъ „совершенія желанія“ своего благословеннаго острова Патмоса. На другой же день онъ отправился къ „пресловутому философу и богослову“ о. Макарію; но къ сердечному своему прискорбію, засталъ учителя лежащимъ на смертномъ одрѣ. Барскій имѣлъ только одно утѣшеніе—присутствовать при поучительной его кончинѣ, къ которой святой мужъ готовился съ радостію и великимъ умиленіемъ. Смертный одръ о. Макарія окружали не только плачущіе ученики его, но и граждане, и онъ имъ до послѣдняго издыханія своего „високая богословствоваше“. Умирающій о. Макарій не оставилъ и нашего инока Василія своимъ предсмертнымъ напутствіемъ. Когда Барскій напомнилъ ему о „благомъ его прежнемъ совѣтѣ“, то на это умирающій сказалъ: Въ одиннадцатый часъ „пришелъ еси, лучше би было ускорити, ибо азъ уже къ иной отхожду жизни, обаче и пинѣ испол-

нить Богъ желаніе твое чрезъ иныхъ моихъ наслѣдниковъ“. Предъ самою кончиною о. Макарія, Барскій, оставшись съ нимъ наединѣ, сказалъ ему со слезами: „Мнѣ, грѣшному, далекій путь и многій трудъ тебе ради пріавшему“, дай послѣднее благословеніе. Умирающій учитель отвѣтилъ: „Благословеніе ти да будетъ отъ тезоименнаго ти Святаго Великаго Василя и Святаго Іоанна Богослова, егоже есть мѣсто сіе, и молю да ихъ молитвами предъуслѣши въ всякое дѣяніе благое“. 17 января 1737 года, чрезъ полчаса послѣ сказанныхъ словъ, о. Макарій скончался. День его кончины совпалъ со днемъ Св. Антонія Великаго, „иже“, замѣчаетъ Барскій, „подобенъ ему и житіемъ быше“. Будучи мужъ Евангельскій, о. Макарій все получаемое раздавалъ бѣднымъ, а потому послѣ его смерти не осталось никакого имущества, кромѣ библіотеки. Барскій былъ убѣжденъ, что Греки сопричтутъ скончавшагося учителя „къ лику спасенныхъ“. Преемникъ о. Макарія, іеромонахъ Герасимъ, также вскорѣ занемогъ и переѣхалъ сначала въ Смирну, а потомъ на островъ Критъ, гдѣ и скончался. Вскорѣ по кончинѣ его, на островѣ Патмосѣ явилась чума. Тогда весь народъ разбѣжался по горамъ и вертепамъ, а монастырь Св. Іоанна Богослова и училище „затворишася“. Но Барскій остался въ запустѣломъ городѣ и, въ виду грознаго образа смерти, съ христіанскою твердостью трудился надъ изученіемъ Греческаго языка, уповая этимъ знаніемъ принести пользу своему отечеству, такъ какъ, по замѣчанію Барскаго, „Россійскій народъ не тщашеся о Еллинскомъ діалектѣ“.

На другой годъ, послѣ кончины о. Макарія, а именно въ 1738 году, островъ Патмосъ посѣтилъ землякъ Бар-

скаго, настоятель посольской церкви въ Константинополѣ, іеромонахъ Константинъ, по отзыву Барскаго „мужъ словесный въ Латинскомъ ученіи“. Признаемъ необходимымъ почтить память этого замѣчательнаго человека, хотя нѣсколькими словами, тѣмъ болѣе, что, благодаря знакомству съ нимъ Барскаго, о нашемъ путешественникѣ узнали наконецъ въ Константинополѣ, въ нашемъ посольствѣ.

До своего назначенія въ Константинополь, о. Константинъ былъ іеромонахомъ Кіевскаго Софійскаго монастыря. Свѣдѣнія о немъ находятся въ Сказаніи „о страданіяхъ священномученика Христова Константія Россіянина“, написанное Аѳонскимъ іеромонахомъ Іоною на Греческомъ языкѣ ⁶⁾. По свидѣтельству Аѳонскаго іеромонаха Іоны, о. Константинъ, состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, „тихо и мирно проводилъ жизнь свою“. Во время войны нашей съ Турками, бывшей въ царствованіе Анны Іоанновны (1736—1739), посольство наше выбыло изъ Константинополя, а іеромонахъ Константинъ удалился на Аѳонскую гору, и поселился въ Лаврѣ св. Аѳанасія. Оттуда, въ качествѣ простаго странника, „онъ посѣтилъ Іерусалимъ и прочія Святыхъ Мѣста“. Въ Лаврѣ Св. Аѳанасія съ нимъ познакомился будущій его біографъ, іеромонахъ Іона. Константинъ часто бесѣдовалъ съ нимъ о Россіи, „а наипаче же о церковныхъ нуждахъ и о прочихъ предметахъ духовныхъ“.

По окончаніи войны о. Константинъ возвратился въ Константинополь. Тамошній резидентъ нашъ А. А. Веш-

---

⁶⁾ Въ Русскомъ переводѣ это Сказаніе напечатано архимандритомъ Леонидомъ (*Чтенія И. О. И. Д. и Р.* 1869 г. кн. 1-я).

няковъ принялъ его съ любовью и относился къ нему съ чувствомъ уваженія и почтенія. Но, чрезъ нѣсколь-ко времени, неизвѣстно по какой причинѣ, между ними возникли неудовольствія. Въ бумагахъ архіепископа Псковскаго Симона Тодорскаго нашлось письмо къ нему іеромонаха Константина (отъ 18 апрѣля 1741 г.), въ которомъ изображается мрачное состояніе души его. „Если вы“, пишетъ онъ, „желаете что либо знать о мнѣ, то скажу вамъ, что я нахожусь въ тѣлесномъ и душевномъ разслабленіи, отъ котораго мой одръ сдѣлался гробомъ для меня. Мое тѣло видимо разрушается и умираетъ съ каждымъ днемъ. Это заставляетъ меня сказать съ Пророкомъ: „возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего“. Далѣе Константинъ пишетъ: „Оскудѣла истина въ сынахъ человѣческихъ, каждый говоритъ ближнему своему суетная“. Въ томъ же письмѣ, читаемъ и слѣдующее: „Нѣкоторые возстали на меня и запрещаютъ мнѣ учить животворному слову Божію. И это дѣлаютъ не Агаряне, не Евреи, не еретики, но наши, и притомъ іереи“. Въ заключеніе Константинъ проситъ Симона: „Утѣшите меня скорѣе вашимъ посланіемъ. Я увѣренъ, что ваше слово обновитъ обветшавшую душу мою, какъ обновляется юность орла“. Будучи въ такомъ настроеніи, о. Константинъ неожиданно скрылся изъ посольства и, явившись въ верховный Диванъ, объявилъ, что онъ желаетъ лично представиться султану Махмуду I (1730—1754), для того, чтобы предъ нимъ отречься отъ Христа и „исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха“. Желаніе его было исполнено.

Султанъ осыпаль Константина милостями своими и почести полились на него. Но „всеблагій Господь коснулся своею благодатию сердца несчастнаго, мысль его вдругъ озарилась Божественнымъ свѣтомъ“, и онъ подобно Петру „плакася горько“. Тогда Константинъ, повязавъ главу свою ветхимъ платкомъ и въ раздранной ризѣ явился предъ султаномъ исповѣдникомъ Христовой вѣры. Онъ былъ схваченъ и 26 декабря 1742 года, на Дворцовой площади отсѣкли ему голову. Константинопольская церковь причислила Константина, какъ священномученика, къ лику святыхъ и мѣстно празднуетъ память его 26 декабря.

Между Барскимъ и Константиномъ завязалась переписка, и до насъ дошло нѣсколько писемъ послѣдняго.

Во время пребыванія Барскаго на островѣ Патмосѣ, въ нашемъ отечествѣ совершились важныя событія. 28 октября 1740 года, скончалась императрица Анна Иоанновна. Вслѣдъ за симъ было свержено владычество Бирона, и 18 ноября тогоже года, за малолѣтствомъ императора Іоанна Антоновича, правительницею государства была провозглашена его мать принцесса Анна Леопольдовна. Когда же до Барскаго, на островѣ Патмосѣ, дошелъ объ этомъ слухъ, то онъ писалъ въ Кіевъ къ своему брату Ивану (отъ 21 апрѣля 1741): „Кто въ насъ нынѣ царемъ есть и какъ ему имя, да поминаемъ его“. Въ тоже самое время Барскій получилъ извѣстіе о кончинѣ своего отца и по этому поводу писалъ (отъ 21-же апрѣля 1741 года) къ брату Ивану: „Понеже, Божіимъ смотрѣніемъ, удостоился еси быти наслѣдникъ отческій, тщися достойно званіе свое совершати, съ прилежаніемъ о попеченіи дому и о вдовствующей при старости роди-

тельницѣ нашей и аки мужественъ сій, утѣшай всячески немощъ женскую благоувѣтливыми глаголы, съ должнымъ почитаніемъ, говѣніемъ же и крайнимъ послушаніемъ, поминающе Божіе приказаніе: чти отца твоего и мать твою, и долготѣнъ будещи на земли“. Въ отвѣтъ же на просьбу матери возвратиться въ Кіевъ, Барскій писалъ брату: „Не ревнуй нравомъ женскимъ, плачущи и болѣзнуючи о медленіи возвращенія моего, да не кътому стужаеши и горлицы плачевной матери утробу, но дерзай мужественно, образъ себе показуя къ прогнанію всякой скорби“. Въ другомъ письмѣ, отъ 6 мая 1742 года, Барскій опять напоминаетъ брату: „Чти отца твоего и мать твою“, и предписываетъ ему быть во всемъ послушнымъ матери, „кромѣ аще ты понуждаетъ къ женитвѣ, не слушай, на се бо ускоряти не полезно есть; еще же еси и младъ, якоже познахъ отъ числа лѣтъ твоихъ: совершенный возрастъ мужу тридцать лѣтъ. Ожидай убо моего пришествія и лучше ти будетъ сотворити предъ очима моима и неприлично тебѣ совѣта моего преслушати, почитающему мя вмѣсто отца. Живи же въ чистотѣ и цѣломудріи, елико мощно, ибо юность многими сѣтми уловяема бываетъ. Сего ради блюстися ти нужда есть, да чистимы очеси и непорочнымъ сердцемъ можеши взирати къ Богу вышнему. Блаженніи чистиимъ сердцемъ, яко ти Бога узрять“. Въ семейной утратѣ Барскаго принялъ участіе и упомянутый нами о. іеромонахъ Константинъ. Въ письмѣ къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 12 мая 1741 года, Константинъ пишетъ: „Сожалѣю же о преставленіи родителя вашего, что не удостоился твоя чест-

ность при смерти его быть. Однакожь надобно разсуждать, что сей предѣль Богъ нашему естеству положилъ, котораго не можетъ всякъ отъ насъ прейти“.

Еще въ 1740 году, до Барскаго дошелъ слухъ, что будто бы въ Кіевѣ, повелѣніемъ императрицы Анны Іоанновны учреждено Греческое училище, въ которомъ учителемъ назначенъ мужъ „зѣло искусный въ Греческой мудрости“. Живо заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, Барскій просилъ своихъ родныхъ сообщить ему свѣдѣнія какъ объ учителѣ, такъ и объ училищѣ. Извѣстно, что Рафаиль, митрополитъ Кіевскій, желая завести Греческое училище на Подолѣ, въ Петропавловскомъ монастырѣ, еще въ январѣ 1733 года представлялъ объ этомъ Св. Синоду. Представленіе Кіевскаго митрополита Синодъ передалъ на разсмотрѣніе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но рѣшеніе не послѣдовало. Учитель же „зѣло искусный въ Греческой мудрости“, о которомъ спрашивалъ Барскій, былъ не кто иной, какъ пользовавшійся Европейскою извѣстностью Симонъ Тодорскій, впоследствии архіепископъ Псковскій и Нарвскій. Личность этого замѣчательнаго человѣка остается въ нашей исторіи, какъ-бы въ тѣни, а между тѣмъ она заслуживаетъ подробнѣйшей біографіи.

Симонъ Тодорскій, землякъ, ровесникъ и, какъ слѣдуетъ полагать, товарищъ Барскаго по Кіевской академіи, по окончаніи академическаго курса былъ отправленъ на счетъ Кіевскаго митрополита Рафаила за границу, гдѣ въ Галльскомъ и Іенскомъ университетахъ изучалъ догматику, экзегетику, фізику, а также языки: Греческій, Еврейскій, Сирскій, Арабскій и Халдейскій. Въ этихъ

предметахъ Тодорскій сдѣлалъ такіе успѣхи, что современники удивлялись его познаніямъ. Кромѣ того, онъ до совершенства изучилъ Нѣмецкій языкъ, съ котораго перевелъ на Русскій сочиненіе Іоанна Арнда „О истинномъ Христіанствѣ“ и свой переводъ напечаталъ Славянскими буквами въ Галлѣ, въ 1735 году. На изданіе этой книги императрица Анна прислала Тодорскому 600 рублей; но въ царствованіе Елисаветы Петровны, по опредѣленію Св. Синода, книга эта была запрещена въ Россіи. Въ 1737 году, на обратномъ пути въ Кіевъ, въ Бѣлградѣ, Тодорскій былъ остановленъ Греческими купцами, которые, наслышавшись о его высокомъ умѣ и глубокомъ благочестіи, упросили Тодорскаго принять на себя обязанность законоучителя въ тамошнемъ Греческомъ училищѣ. Въ этомъ заведеніи, кромѣ Грековъ, учились и дѣти Славянъ, подъ надзоромъ Греческаго миссіонера іеромонаха Пароенія. Въ 1738 году, Тодорскій вернулся въ Кіевъ. Блестящій дипломъ, въ которомъ самъ знаменитый Михаэлисъ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ познаніяхъ Тодорскаго, далъ возможность митрополиту Рафаилу открыть въ Академіи классы: Еврейскаго, Греческаго и Нѣмецкаго языковъ и преподаваніе этихъ языковъ поручить Тодорскому. Занятіе это было для него священо, и онъ подписывался: *Учитель Святыхъ Восточныхъ языковъ*. „Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ“, писалъ къ Тодорскому іеромонахъ Пароеній, „да полечу и увижу вождельнныхъ и многолюбезныхъ братій моихъ во Христѣ, да увижу ваши классы, услышу ваши различныя и многообразныя ученія! Къ вамъ, Божіи труженники, и нынѣ вопіетъ Петръ, сосудъ избранный. Бра-

тіи мои! подвигомъ добрымъ подвизайтесь, теченіе совершайте, вѣру соблюдайте, да получите вѣнецъ отъ Господа Іисуса Христа“. 17 мая 1740 года, Симонъ Тодорскій принялъ монашескій санъ и по воскресеньямъ всему народу толковалъ пространнѣй катихизисъ.

Распространявшаяся молва объ отличныхъ способностяхъ и познаніяхъ о. Симона, вскорѣ достигла и Патмоса, и С.-Петербурга. Высочайшимъ указомъ, отъ 31 мая 1742 года, онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ждалъ его высокій жребій законоучителя наслѣдника Русскаго престола, а также избранной невѣсты его принцессы Цербской, будущей Великой Екатерины. Симонъ пережилъ Барскаго только семью годами и скончался во Псковѣ въ санѣ архіепископа Псковскаго и Нарвскаго, 22 февраля 1754 года, не доживъ до воцаренія своей ученицы и духовной дочери.

Барскій, получивъ свѣдѣніе о Киевскомъ учителѣ Греческаго языка, написалъ ему посланіе на Греческомъ языкѣ и (въ апрѣлѣ 1741 г.) послалъ его въ Кіевъ при письмѣ къ своему брату Ивану: „Потщися убо самъ своими руками сіе словеснѣйшему и премудрому оному учителю отцу Симону Тодорскому подати съ подобающимъ отъ меня поклоненіемъ, и моли его прилежно, да на сіе отпишетъ мнѣ отвѣтъ тимѣжде Еллино-Греческимъ діалектомъ, а не инымъ. И да вѣси, возлюбленный брате, яко листъ онаго учителя болше васъ имать ползовати о возвращеніи моемъ къ вамъ, нежели слезное ваше ко мнѣ моленіе, будетъ бо мнѣ, аки магнитъ, влекущій мя къ отечеству. Если же“, пишетъ Барскій далѣе, „отвѣта не получу, то отъ Патма не двигнуся“.

Желанный отвѣтъ полученъ былъ Барскимъ въ маѣ 1742, то есть, ровно черезъ годъ, и передъ самымъ отъѣздомъ Симона въ Москву, гдѣ въ то время пребывалъ нашъ Дворъ. Барскій съ радостью извѣщаетъ объ этомъ своего брата: „Многожелателенъ листъ Греческій потщался еси послати мнѣ, въ немъже, аки въ прекрасномъ вертоградѣ, насытихся довольно различныхъ красованій и понуждаюся благоувѣтливыми премудраго учителя отца Симона словеси желаніе ваше исполнити (т. е. вернуться въ отечество). Когда же се имать быти, се на Божіе возлагаемъ смотрѣніе“. Къ сожалѣнію, до насъ не дошла упомянутая переписка Барскаго съ Тодорскимъ; но съ достовѣрностью можно предположить, что благочестивая императрица Елизавета Петровна и набожный Малороссіянинъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій узнали отъ о. Симона о существованіи Барскаго на островѣ Патмосѣ, и приняли въ немъ участіе; ибо вскорѣ, а именно въ маѣ 1743 года, Барскій получилъ отъ нашего резидента въ Константинополь А. А. Вешнякова письмо, въ которомъ извѣщаетъ, что, вслѣдствіе высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, Барскій вызывается въ Константинополь, „понеже здѣсь“, пишетъ Вешняковъ, „въ персонѣ вашей особливо не безъ нужды есть“. Но Барскій, по полученіи этого письма, почувствовалъ не радость, а печаль: ему грустно стало разставаться съ своими трудами, съ своимъ уединеніемъ, съ своимъ таинственнымъ Патмосомъ, хотя пишетъ онъ, „и нужное и прискорбное“ было его тамъ житіе, по „плоди ученія, услаждающіи мя до зѣла, укрѣпляху мя ко терпѣнію“.

Наступилъ день отъѣзда Барскаго изъ Патмоса. Со сле-

зами простился онъ какъ съ духовными, такъ и съ „начальнѣйшими“ гражданами, и 26 сентября 1743 года, въ день Иоанна Богослова, сѣлъ онъ на корабль и отплылъ въ Константинополь, снабженный султанскимъ фирманомъ.

Съ этого времени Барскій началъ наконецъ пожинавать плоды долгодѣтнихъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ особъ, онъ вездѣ встрѣчалъ почетъ, уваженіе. Болѣе мѣсяца прожилъ Барскій въ Ефесѣ, „созиранія ради знаменитыхъ зданій ветхихъ“. При вступленіи на островъ Хіосъ, его остановилъ было таможенный чиновникъ изъ Евреевъ, но какъ только онъ показалъ фирманъ, тотчасъ же „свободно и честно“ былъ пропущенъ. Когда о пріѣздѣ его на островъ Хіосъ узнали иноки монастыря Агіамона, то послали къ нему цѣлую депутацію „отъ соборныхъ старцевъ“, съ просьбою посѣтить ихъ монастырь. На это приглашеніе Барскій съ ироніею замѣтилъ имъ, что онъ уже дважды посѣщалъ ихъ монастырь и тогда былъ принятъ ими какъ худоризецъ, просящій хлѣба. Это замѣчаніе Барскій сдѣлалъ старцамъ съ тою цѣлію, чтобы обличить ихъ „тогдашнее нестраннолюбіе и нинѣшное ласкателство“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая показать „гордости и презрѣнія образъ“, согласился посѣтить ихъ монастырь. Старцы представили Барскому дарственную грамоту царя Алексѣя Михайловича, и просили его перевести ее на Греческій языкъ. Въ монастырѣ Барскій увидѣлъ много книгъ „безчинно храненныхъ и водою замоченныхъ“. За это небреженіе Барскій обличилъ старцевъ. Въ Хіосѣ же къ Барскому приходило много Русскихъ невольниковъ и невольницъ, которые со слезами просили

его ходатайства объ освобожденіи ихъ „отъ плѣненія“. Барскій принялъ сердечное участіе въ ихъ участи и обѣщался сдѣлать въ Константинополѣ все, что можетъ.

13-го декабря 1743 года, Барскій отплылъ изъ Хіуса и за четыре дня предъ Рождествомъ Христовымъ „съ великою радостію“ увидѣлъ „царствующій градъ“. Всѣ члены нашего посольства въ Константинополѣ, начиная съ резидента и кончая послѣднимъ ученикомъ, были обрадованы пріѣздомъ Барскаго. А. А. Вешняковъ, познакомившись съ трудами его, похвалилъ его „предъ всѣми“, далъ ему „милостиню немалу“, и „причте мя“, пишетъ Барскій, къ „своей господской трапезѣ“. Пользуясь теперь столь непривычными для него, удобствами жизни, Барскій благодарилъ всемогущаго Творца, „яко отъ гноища вознесе нища“. Полученными же деньгами онъ распорядился такимъ образомъ: часть изъ нихъ отдѣлилъ на покупку книгъ, другую на одежду: ибо, разсуждалъ Барскій, „безчестіе бысть Двору въ раздраннихъ тамо мнѣ смѣшаться ризахъ, якоже прежде навикохъ“; третью часть и большую онъ послалъ на островъ Патмосъ въ монастырь Св. Евангелиста Іоанна Богослова „не вмѣсто милостини“, замѣчаетъ Барскій, но „вмѣсто благодарствія за благодѣяніе и милостину“, а остальную, малую часть денегъ оставилъ у себя на всякій случай.

Такъ благополучно закончилъ Барскій 1743 и встрѣтилъ новый 1744 годъ. Наканунѣ Богоявленія, Барскій имѣлъ случай присутствовать при торжественной аудіенціи нашего резидента у великаго визиря. По церемоніалу, въ этихъ случаяхъ долженъ находится въ свитѣ посла и настоятель посольской церкви, или, какъ его тогда называли, капел-

лянь. Такъ какъ іеромонахъ Іосифъ долженъ былъ въ этотъ день готовиться къ совершенію литургіи, то резидентъ приказалъ мѣсто его заступить Барскому, который съ радостью принялъ это приглашеніе „не чести ради и почтенія“, объясняетъ онъ, „но болѣе любопытства ради и зрѣнія онаго чина и обычая“. Когда, по обычаю, сверхъ рясы и клобука надѣли на Барскаго кафтанъ, жалуетый визиремъ каждому изъ посольской свиты, то онъ „чудился не обичному для него случаю“ и вспомнилъ при этомъ: какъ „многожды мя бѣсурмани въ странствованіи моемъ съвлекша отъ одеждъ даже до крайнего хитона, тогда же Божіимъ смотрѣніемъ и благополучнымъ случаемъ одѣяша мя“. Когда послѣ аудіенціи посольская свита вернулась домой, то къ ней приступили жида, которые обыкновенно скупали жалованные кафтаны; но Барскій своего кафтана не продалъ, а сохранилъ. „Да еще“, пишетъ онъ, „Богъ изволить, пришедши въ отчество, покажу родителямъ и сродникамъ, очевидной ради диковинки и утѣхи, и на память чуждыхъ обичаевъ“.

При резидентѣ Барскій не имѣлъ опредѣленныхъ какихъ либо обязанностей и былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ любилъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ. Часто „ради полезной бесѣды“ заходилъ онъ къ патріарху, архіереямъ и учителямъ. Въ прогулкахъ своихъ онъ осматривалъ „древнія зданія царей Греческихъ, и знаменитіи они столпы, иже обрѣтаются въ Цариградѣ“, любовался красотою и расположеніемъ города, наблюдалъ за обычаями народа. Барскій долго не зналъ зачѣмъ Вешняковъ его удерживаетъ при себѣ; но когда узналъ о намѣреніи резидента сдѣлать его своимъ

„капеляномъ“, то это намѣреніе очень смутило Барскаго. Во 1-хъ онъ считалъ себя недостойнымъ „таковаго чина“ и неспособнымъ „къ такому званію“; во 2-хъ, что это ему послужить препятствіемъ къ „безмолвному поученію“; въ 3-хъ, что это не дастъ ему возможности посѣтить нѣкоторыя „изрядныя мѣста и монастыри“; въ 4-хъ, отдалить время возвращенія его въ отечество и наконецъ сознание, что „иноку между мірскими тяжело есть жителствовать“. Боголюбивая душа Барскаго стремилась къ наукѣ, не оторвавшейся отъ неба. Когда онъ узналъ, что въ Киевскомъ домѣ ихъ поселился какой-то ученый, то онъ написалъ изъ Константинополя къ своей престарѣлой матери слѣдующія замѣчательныя строки: „За немалое себѣ причитаю благополучіе, яко въ дворѣ вашемъ, на квартирѣ живетъ ученый человекъ. Идѣже бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума; а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истины, тамо мудрость Божія; а идѣже мудрость Божія, тамо добродѣтель; а идѣже добродѣтель, тамо и вся благодать Духа Святаго“. Барскій всѣми силами души стремился изучить исторію человѣчества, и притомъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую, и притомъ исторію жизни не одного только человѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божиимъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были идеалы Барскаго. По соображеніи всего вышесказаннаго намъ станетъ понятнымъ стремленіе его на Аѳонъ.

Барскій, пользуясь расположеніемъ къ нему Вешнякова, который былъ уже знакомъ съ его „Путешествіями въ книгахъ написанными“, обратился къ нему съ прось-

бою отпустить его на Святую гору. Резидентъ исполнилъ просьбу Барскаго „безъ всякаго прекословія“, а для спокойнаго путешествія снабдилъ его султанскимъ фирманомъ.

7-го мая 1744 года, вмѣстѣ съ начальными Аѳонскими старцами, нашъ путешественникъ отплылъ изъ Константинополя и черезъ пять дней вступилъ вторично во Святую гору Аѳонскую и поклонился святынямъ Ватопедскаго монастыря. Хотя въ началѣ своего путешествія Барскій и былъ на Аѳонѣ, но тогда, по собственному его признанію, по незнанію Греческаго языка и по убожеству, не могъ имѣть дерзновенія видѣть мощи и другія сокровенныя вещи. Теперь нашего Барскаго приняли на Аѳонѣ не такъ, какъ прежде, но съ „многократною любовію и почитаніемъ“. Эту перемѣну самъ Барскій объяснилъ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, своимъ знаніемъ Греческаго языка и „сладокъ имъ мнихся быти“, пишетъ онъ, „въ привѣтствіяхъ и разглагоствованіяхъ“; во 2-хъ, величіемъ Россіи, отъ которой Греки, наипаче же иноки, чаяли получить избавленіе, и наконецъ самъ Барскій въ это время былъ почтенъ фирманомъ „отъ Цариграда и грамотою отъ высокоблагороднаго господина резидента Алексѣя Вешнякова“. Пользуясь этими благопріятными условіями, Барскій, по выраженію митрополита Евгенія, „любопытство свое простеръ даже до сокровенныхъ монастырскихъ архивовъ“ и своимъ описаніемъ Аѳона одинъ изъ первыхъ познакомилъ весь ученый міръ съ богатствомъ историческихъ источниковъ, скрывающихся въ Аѳонскихъ бібліотекахъ и ризницахъ. Послѣ Барскаго, Святая гора долго не видѣла въ сво-

ихъ обителѣхъ равнаго ему ученаго путешественника. Изъ лицъ, посѣщавшихъ ее во второй половинѣ XVIII вѣка, кромѣ извѣстнаго француза Виллуазона, никто не занимался розысканіемъ въ тамошнихъ библіотекахъ и ризницахъ. За то въ началѣ текущаго столѣтія, въ 30-хъ годахъ, начался цѣлый рядъ ученыхъ нашествій на этотъ замѣчательный уголокъ Востока. Знаменитый юристъ Захарія, историкъ Фальмерайеръ, еллинистъ Мина и другіе иностранцы въ продолженіе одного десятилѣтія, одинъ за другимъ, занимались обзорѣніемъ Аеонскихъ достопамятностей, и не безплодно. Черезъ сто лѣтъ послѣ Барскаго (въ сентябрѣ 1844 г.) началъ обзорѣніе Аеонскихъ монастырей Викторъ Ивановичъ Григоровичъ; а вслѣдъ за нимъ явился на Аеонъ тогда архимандритъ, а потомъ епископъ, Порфирій ⁷⁾ и въ области описанія Аеона оказалъ незабвенныя услуги. Въ этомъ далеко неполномъ списокѣ достопочтенныхъ нашихъ путешественниковъ и описателей Святой горы не могутъ быть пропущены имена: графа Орлова-Давыдова, Муравьева, архимандритовъ Леонида и Антонина. Благодаря этимъ и многимъ другимъ частнымъ путешествіямъ, все болѣе и болѣе выяснялось важное значеніе Аеона, какъ хранителя драгоцѣнныхъ памятниковъ, и въ Академіи художествъ возникла мысль снарядить во Святую гору археологическую экспедицію „для розысканія Византійскихъ священныхъ памятниковъ и снятія съ нихъ копій“. Мысль эта встрѣтила сочувствіе и поддержку Святѣйшаго Синода и великой княгини Маріи Николаевны. Даны были достаточныя средства, и цѣлая экспеди-

---

⁷⁾ Преосвященный Порфирій скончался 19 апрѣля текущаго года, въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

ція, подь руководствомъ Петра Ивановича Севастьянова, была отправлена на ученые поиски. Въ концѣ концовъ, съ Аэона былъ вывезенъ, по выраженію Срезневскаго, цѣлый музей всякаго рода снимковъ, чертежей, изображеній и частью даже подлинниковъ (Флоринскій, *Аэонскіе акты*. Спб. 1880 г.).

Аэономъ оканчиваетъ Барскій описаніе своихъ „Странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока“, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свою автобіографію. За симъ Барскій умалчиваетъ и ничего не говоритъ о своихъ дальнѣйшихъ странствованіяхъ, о своемъ вторичномъ посѣщеніи Константинополя и возвращеніи въ отечество. О послѣдней судьбѣ Барскаго мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. По сохранившимся его рисункамъ, мы можемъ предположить, что дальнѣйшія свои странствованія Барскій началъ отъ Салоникъ, откуда сухимъ путемъ прошелъ въ Трикалу и Арту, посѣтивъ по дорогѣ Метеорскіе монастыри. Изъ Арты моремъ перебрался онъ въ Патрасъ, откуда посѣтилъ Каловритъ. Затѣмъ мы его встрѣчаемъ въ Аэинахъ и ихъ окрестностяхъ. Должно думать, что изъ Аэинъ отправился Барскій на островъ Критъ, откуда, въ половинѣ 1746 года, онъ вернулся въ Константинополь, и нашелъ тамъ весьма неблагоприятную для себя перемѣну. 29 іюля 1745 года ⁸⁾ скончался благодѣтель его А. А. Вешняковъ. Мѣсто его занялъ Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ, назначенный 11 ноября того же года резидентомъ при Пор-

---

⁸⁾ Этими свѣдѣніями мы обязаны просвѣщенному вниманію барона Ф. А. Бюлера, который одновременно сообщилъ, что въ реляціяхъ нашихъ Константинопольскихъ резидентовъ, за это время, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ упоминаній о Барскомъ.

тѣ. Нѣкіе недоброхоты успѣли оклеветать Барскаго предъ Неплюевымъ. При оправданіи же Барскій произнесъ какія-то „дерзновенныя слова“, за которыя Неплюевъ приказаль-было, подѣ „жестокою стражею“, на первомъ отходящемъ кораблѣ отправить его въ Петербургъ. „Небеса“, пишетъ Рубанъ, „защищающія невинность“, избавили Барскаго отъ „сего заключенія и доставили ему способъ честнымъ образомъ возвратиться на родину“.

Дошедшее до насъ письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому (отъ 4 августа 1747 года) проливаетъ хотя слабый свѣтъ на причину постигшихъ Барскаго невзгодъ. Въ этомъ письмѣ патріархъ отечески пишетъ своему духовному сыну: „Мы тебя вразумляли, чтобы ты заботился объ обузданіи языка и неразумнаго гнѣва, отъ каковыхъ страстей столь много непріятнаго для тебя послѣдовало. Ты самъ съ собою разсуди и разбери, и хорошенько объ этомъ подумай. Воздерживайся, сколько возможно, отъ винопитія и отъ овощей. А за симъ да будетъ съ тобою благодать Господа нашего Иисуса Христа и молитва наша“⁹⁾. Самъ же Барскій, въ письмѣ къ своей матери изъ Бухареста, отъ 11 октября 1746 г., не упоминая даже имени Неплюева, весьма глухо говоритъ о постигшихъ его непріятностяхъ: „Извѣщаю, яко многихъ ради случившихся препятій, не могохъ по намѣренію моему остаться въ Константинополь для исполненія моей нужды. Для того и не хотя отдалихся оттуда и приѣхаль съ всею моею тяготою въ землю Мул-

---

⁹⁾ Переписка Барскаго съ Патріархомъ Сильвестромъ велась на Греческомъ языкѣ. Переводъ съ оной сдѣланъ извѣстнымъ знатокомъ Греческой Палеографіи профессоромъ В. К. Ернштедтомъ.

тянскую“. Во время бытности Барскаго въ Бухарестѣ, онъ получилъ отъ префекта Кіево-Подольскихъ шволь Варлаама Лащевскаго письмо, въ которомъ онъ „именами и соизволеніемъ преосвященныхъ архипастыревъ, Псковскаго киръ Симона и Кіевскаго киръ Рафаила“, приглашался въ Кіевъ, чтобы тамъ занять каедрю Греческаго языка. Такимъ образомъ уже близко было „совершеніе“ задушевнаго желанія Барскаго послужить отечеству своимъ познаніемъ Греческаго языка и исполнить завѣтъ Патмосскаго богослова Макарія. Но Богъ судилъ иначе.

Въ Бухарестѣ Барскаго посѣтила тяжкая болѣзнь, и онъ, „желая живымъ добраться до родины“, въ августѣ 1747 года оставилъ этотъ городъ и, не заѣзжая въ Яссы, чрезъ Могилевъ на Днѣстрѣ, 5 сентября 1747 года, добрался до Кіева; и когда, послѣ двадцатичетырехлѣтняго отсутствія, вступилъ въ родительскій домъ, то его мать въ теченіи цѣлаго часа не могла узнать въ пришедшемъ монахѣ своего сына. Родной братъ его Иванъ въ такихъ чертахъ рисуесть тогдашній образъ своего знаменитаго брата: „Роста высокаго, волосы на головѣ и бородѣ черные, безъ всякія сѣдины, лицомъ смугль, тѣломъ дородень, брови черныя, высокія, большія и почти вмѣстѣ сошедшіяся, глаза острые, каріе, носъ короткій; какъ одѣяніемъ, такъ и произношеніемъ рѣчей и осанкою, похожь болѣе на Грека“.

„Ни живъ, ни мертвъ“, писалъ самъ Барскій къ патриарху Сильвестру (въ сентябрѣ 1747 г.), „пріѣхалъ я въ Кіевъ и лежу измученный, представляя собою жалкій трупъ, какъ въ Бухарестѣ, и даже хуже. Врачамъ рас-

ходую мои деньги на лѣченіе. Больше печали причинила болѣзнь моя роднымъ и друзьямъ, нежели радости о прибытіи моемъ. Высокопреосвященный Кіевскій съ великою радостію и заботливостію принялъ меня, свѣше заслугъ моихъ и ожиданія, и отпустилъ меня на покой въ домъ моей матери, пока не вылечусь, а тогда имѣеть намѣреніе взять меня подъ ярмо послушанія. Богъ же много-милосердный, молитвами вашего блаженства, да поможетъ его высокопреосвященству и мнѣ грѣшному: ибо его высокопреосвященство давно боленъ и на столько тяжело, что не можетъ ни выходить, ни принимать пищу, и нѣтъ надежды на выздоровленіе, если не случится чуда Божественнаго. Вы мнѣ запрещаете“, пишетъ онъ далѣе, „пить вино; а я нынѣ нахожусь въ такомъ состояніи, что не пользуюсь другой пищею, кромѣ ячневой и рисовой кашицы, и при всемъ столь долгомъ воздержаніи, еще не могу поправиться, и съ трудомъ, лежа въ постели, начерталъ я настоящее письмо“.

Съ возвращеніемъ на родину, съ окончаніемъ путешествія, какъ будто исполнилось назначеніе, рѣшилась задача всей жизни нашего подвижника. Не болѣе тридцати пяти дней довелось ему прожить въ родительскомъ домѣ: „Преставился рабъ Божій монахъ Василій, писатель книги сея, року 1747 мѣсяца октоврива 7 числа, въ среду рано“.—Такъ гласитъ краткая записъ, помѣщенная въ концѣ подлинной рукописи его „Странствованій“.

Богоспасаемый градъ Кіевъ почтилъ скончавшагося инока Василя торжественнымъ погребеніемъ. Перенесеніе останковъ его въ Богоявленскій монастырь сопровождалось колокольнымъ звономъ со всѣхъ Кіевскихъ

церквей. Самъ престарѣлый митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Малыя Россіи, Рафаилъ пожелалъ отдать послѣдній долгъ усопшему отпѣваніемъ его тѣла и только за болѣзнію не могъ исполнить своего желанія. Печальный обрядъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, былъ совершенъ преосвященнымъ Макаріемъ, митрополитомъ Фиваидскимъ, въ сослуженіи съ архимандритомъ Братскимъ Сильвестромъ Ласкаронскимъ. Въ гробъ съ нимъ положили разрѣшительную грамоту, подписанную Хрисанеомъ, патриархомъ Іерусалимскимъ.

Прахъ Барскаго покоится въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ алтаря соборной церкви. Дружеская рука товарища начертала на гробовомъ камнѣ слѣдующіе стихи:

Того Василя сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
И лучъ премудрости снизшедь къ его уму,
Святѣя посѣтитъ мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніемъ Божественнымъ внимал,
Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ коды во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла многа претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имуть что и Римляне, и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолий глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И черезъ перо свое отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бранные составы здѣсь тѣлесны;
А духъ его прешель въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

Нетлѣннымъ же памятникомъ послѣ приснопамятнаго инока Василя остались на землѣ его *Стран-*

створанія по Святыхъ мѣстамъ Востока, совершенныя и описанныя имъ, по собственному его свидѣтельству, „ради отпущенія своихъ грѣховъ, и ради ползи же и духовнаго утѣшенія чтущимъ и слышавшимъ, въ славу Святыя, единосущныя и животворящія и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сина и Святаго Духа.

Аминь“.

Послѣ смерти Василя Барскаго, подлинная рукопись его „Странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока“ оставалась въ домѣ его матери до 1794 года. Желающимъ дозволялось дѣлать съ нея списки. По свидѣтельству Рубана, въ Малороссіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ не было „ни одного знатнаго мѣста и дома“, гдѣ бы не было списка съ рукописи Барскаго. „Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ сослояній за великія деньги доставали оную“. Не смотря на такое множество существовавшихъ списковъ, кромѣ подлинной рукописи, намъ извѣстны лишь три списка, принадлежащіе: 1) Археографической Коммиссіи, 2) Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю и 3) Императорскому Казанскому университету.

Подлинная рукопись „Странствованій“ Барскаго нѣкогда принадлежала Московскому купцу И. Н. Царскому и вмѣстѣ съ другими его рукописями поступила въ бібліотеку графа А. С. Уварова, находящуюся въ селѣ Порѣчьѣ, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи. Ру-

копись эта впервые описана П. М. Строевымъ, въ его трудѣ: „Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому“. М. 1848. № 601 и 602.

Списокъ Археографической Коммиссіи описанъ въ моемъ трудѣ: „Рукописи Археографической Коммиссіи“. Спб. 1882. № 156.

Списокъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря описанъ также мною, во время бытности моей въ Кіевѣ, осенью 1880 года. Рукопись состоитъ изъ двухъ книгъ in 4°. Въ 1-й книгѣ 389 писанныхъ и 11 бѣлыхъ листовъ, во 2-й 409 писанныхъ и 1 бѣлый листъ. Писаны скорописью. 1-я книга писана однимъ почеркомъ; а 2-я разными. Почеркъ 1-й старше. На оборотѣ переплета 1-й книги написано: „Изъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря. Библіотекаръ іеромонахъ Серафимъ ¹⁰⁾. 1838 г. генваря 23“. На слѣдующемъ бѣломъ листѣ: „№ 1741.—Изъ числа книгъ библіотеки Кіево-Златоверхо-Михайловскаго первокласнаго монастыря. 1862 г. августа 2“. Рукопись не полная. Въ ней недостаетъ описанія слѣдующихъ Сирійскихъ монастырей, посѣщенныхъ Барскимъ въ 1728 году: Белемента, Натура, Нурія, Кофуна, Хантура, и начала описанія монастыря Св. Антонія, въ Ливанѣ. Этимъ спискомъ пользовался преосвященный Порфирій, и на поляхъ 2-й книги, л. 9 об., при статѣ: „О монастырѣ великомъ, иже въ Хіо“, который названъ *Αγαμονη*, рукою преосвященнаго замѣчено: „*Αγαμονη* (слѣдуетъ) *Αγία μονή*. Е. Порфирій“.

Списокъ Императорскаго Казанскаго университета опи-

---

¹⁰⁾ Нынѣ архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

санъ А. И. Артемьевымъ въ его „Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета. Изд. Археографической Коммиссіи. Спб. 1882 г.“ № 1561. Дополненіемъ къ рукописи Барскаго служатъ сдѣланныя имъ перомъ рисунки, сохранившіеся въ подлинной его рукописи и въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ Одесскому Обществу исторіи и древностей.

Первая мысль объ изданіи въ свѣтъ „Странствованій Барскаго“ принадлежала ученому, стяжавшему себѣ Европейскую извѣстность, архіепископу Псковскому Симону Тодорскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ заинтересовать этимъ предметомъ и своего земляка, графа А. Г. Разумовскаго. Но кончина преосвященнаго, въ 1754 году, помѣшала исполненію его намѣренія. Послѣ кончины преосвященнаго Симона, за это дѣло взялся самъ графъ А. Г. Разумовскій, который уже сносился объ этомъ предметѣ съ архіепископомъ Московскимъ Амвросіемъ, прося его прислать для напечатанія исправный списокъ Путешествія Барскаго. Но и на сей разъ, за смертью Разумовскаго, дѣло не состоялось. „Уповательно“, пишетъ Рубанъ, „долго бы путешествіе Барскаго не было издано въ свѣтъ, если бы не усмотрѣлъ оное по случаю свѣтлѣйшей Римскія имперіи князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, который, вѣдая совершенную пользу и надобность оныя для общества, будучи исполненъ благочестія и патриотической ревности, почелъ оное достойнымъ напечатанія“. Мысль Потемкина „подтвердили и Святѣйшаго Правительствующаго Синода члены, преосвященные архіепископы: Гавріиль Новгородскій и С.-Петербургскій, Платонъ Московскій и Калужскій, Инновентій Псковскій и

Рижскій“. Самое изданіе путешествія Барскаго, Потемкинъ поручилъ Василию Григорьевичу Рубану.

Приступая къ изданію, Рубанъ, „для сличенія сумнительныхъ или нерадѣніемъ писцовъ испорченныхъ словъ“, собралъ нѣсколько списковъ, которые ему были доставлены слѣдующими особами: 1) архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ Самуиломъ, 2) Н. Н. Бантышъ - Каменскимъ, изъ бібліотеки архіепископа Московскаго Амвросія, и 3) архимандритомъ Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Θεоктистомъ Мочульскимъ, изъ бібліотеки митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго.

Въ 1778 году вышло 1-е изданіе Странствованія Барскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніи его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ Василія Григорьевича Рубана. Санктъ-Петербургъ. При Императорской Академіи Наукъ 1778 in 4°.

„Не безприлично“, пишетъ Рубанъ, „упомянуть объ *отмѣнахъ*, учиненныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при печатаніи сей книги, противъ подлинника, которыя читавшіе оригиналъ, и съ нимъ сличающіе, могутъ, безъ сомнѣнія, примѣтить. Отмѣны сіи состоятъ по большей части въ новѣстяхъ, кои находятся уже въ другихъ Россійскихъ церковныхъ или гражданскихъ книгахъ, почему здѣсь и исключены, дабы повтореніемъ извѣстныхъ исторій, ни

книги, ни читателей не обременить. Напротивъ того, во многихъ мѣстахъ сдѣланы дополненія изъ различныхъ историческихъ, географическихъ и путешественныхъ книгъ“. По поводу этого заявленія издателя весьма основательно замѣчаетъ митрополитъ Евгеній: „Читатели жалѣютъ, что Рубанъ выключилъ изъ подлинника многія повѣсти. вмѣсто того, чтобы предлагать читателямъ то, что писалъ Барскій, онъ отсылаетъ ихъ, напримѣръ, къ Бишинговой Географіи, къ статьямъ, переведеннымъ изъ Энциклопедіи, и т. п.“

Чтобы наглядно представить отношенія Рубана къ подлиннику, мы возьмемъ, для примѣра, статью о Константинополѣ и посмотримъ, что напечатано у Рубана и что находится въ подлинной рукописи Барскаго.

Изданіе Рубана (1819 г.).

П. стр. 86. И абіе присла (резидентъ Вешняковъ) ко мнѣ на брегъ Россійскаго студента Василія Стефанова сына Рубанова и съ нимъ одного янычара.

Стр. 90. Нынѣ же для любопытства твоего, читателю, сообщая выписки учиненныя мною изъ разныхъ Греческихъ и другихъ книгъ, содержащихъ росписи благочестивыхъ христіанскихъ церквей, бывшихъ въ семь, православіемъ нѣкогда процвѣтающемъ градѣ, изъ которыхъ доннынѣ весьма не многія уже оставаша: слыши убо о семъ вкратцѣ.

Стр. 97 — 98. Константинополь бысть иногда величайшая

Подлинная рукоп. Барскаго.

Л. 326 об. И абіе присла къ мнѣ на брегъ Турчина ясакчѣя, при себѣ служаща.

Сего не находимъ, а сама роспись написана по Гречески и помѣщена не въ текстѣ а въ приложеніи (л. 492).

Л. 328 об.—329. Азъ часто преждахъ обонь ко Цариграду

и сильнѣйшая столица Восточной, си есть Греческой монархїи, а Западной или Римской имперїи сверстница, и есть совершеннымъ междустѣніемъ, или соединеніемъ Азїи съ Европою. Онъ силою страшнаго своего оружія и славою побѣдъ своихъ всѣ въ Европѣ, Азїи и Африкѣ лежащїе грады, кромѣ Рима, превозвышаше. Въ семъ царствующемъ градѣ бысть иногда театръ христіанскїя славы, изъ негоже произошаша многіе мудростію и добродѣтелями просїавшіе Цари, Богоносные Отцы и неопѣдимые столпы Церкви Христовой, иже Богодуховеннымъ ученіемъ своимъ всѣхъ на Христа Спасителя и Святѣйшую Церковь Его поставшихъ еретиковъ и развратниковъ истинныя Вѣры побѣдиша, а благонавіемъ и челоувѣколюбіемъ своимъ жестокосердыхъ укротиша варваровъ, и изъ всего правду и истинное ученіе любящаго свѣта, несравненною и сущей Христовой благодати и истинны наполненною проповѣдію, тьму заблуждающаго невѣдѣнія прогнаша. Воистинну тотъ челоувѣкъ не погрѣшитъ, иже Константинополь ключемъ вселенныя, средоточіемъ царствъ и сердцемъ всѣхъ частей стѣта назоветь. Сей единъ градъ совершенно того достоинъ, дабы раздѣленной Вѣры Христовой паки въ немъ соединитися, о чемъ первенствующая и Православная Гре-

провожденіемъ яничара Турчина при дворѣ служащаго, послѣди же и самъ. И ходихъ часто до патриархъ и архїереовъ и учителей ради полезной бесѣды; таже обхождахъ и созирахъ древнїя зданїя царей Греческихъ, и знаменитїи они столпи, иже обрѣтаются въ Цариградѣ, и звѣри дивнїи различнїя, храними отъ султана, и прочїи вещи достойни зрѣнїя. И разсмотряхъ красоту и расположеніе града, и пристанища различныхъ кораблей, и обичай народовъ, и прочая. О нихъже всѣхъ подробно напишу тебѣ повѣсть, любезнїй читателю, егда опишу Цариградъ. Еще бо многїи вещи (аще Богъ изволитъ) достойни зрѣнїя имамъ разсмотрѣти.

ческая Церковь въ праведныхъ своихъ молитвахъ ежедневно у Создателя Бога просить, дабы Христіянскіе Цари, многими областями владычествующіе, престолъ свой по прежнему тамо возымѣли, науки яко въ крѣпкомъ забрагѣ, безъ упадка процвѣтали, и всему христіанству полезныя законы изъ него, яко изъ главнаго источника, познанію славы и величанію имени Иисусъ Христова, не оскудно бы проистекали. Но къ общему всѣхъ христіанъ жалѣнію, въ несказанный упадокъ сей преславный градъ пришелъ. Красота Царскихъ палатъ, великолѣпіе, превосходившее вѣроятіе, сокровища святыхъ Божіихъ церквей, мраморомъ, живописью мусією, златомъ и серебромъ преукрашенные христіянскіе храмы и монастыри, княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе дома, на высочайшую степень взшедшія науки и художества, почти въ совершенное уничтоженіе пріидоша. Святыя церкви въ Магометовы капища и въ Мусульманскія мечети съ 1453 году обращены. Мудрость безуміемъ, а науки невѣжествомъ поглощенна, а притомъ гордостію и тиранствомъ окована.

Другія „отмѣны“, сдѣланныя Рубаномъ противъ подлинника, заключаются въ томъ, что онъ, стараясь представить Барскаго, такъ сказать, въ облагороженномъ видѣ, исказилъ первоначальный текстъ его, который въ

этой передѣлкѣ потерялъ всю свою своеобразность и типичность. Удивительно, что эти послѣднія „отмѣны“ противъ подлинника весьма одобряются извѣстнымъ авторомъ „Путешествія по Святымъ мѣстамъ въ 1830 году“, который, въ предисловіи къ своему творенію, между прочимъ, пишетъ: „Рубанъ переработалъ языкъ подлинника, замѣнивъ его полу-Славянскимъ, соответствующимъ предмету“ (Изд. 4-е. Спб. 1840. стр. LXXVI—VII).

Но указавъ, по долгу археографа, на погрѣшности въ изданіи Рубана противъ Археографіи, было бы грѣшно умалять заслуги почтеннаго Василя Григорьевича Рубана по обнаруженію рукописи Барскаго. Этимъ подвигомъ своимъ онъ доставилъ многому множеству православныхъ спасительное чтеніе „Странствованій“ Василя Барскаго по *Святымъ мѣстамъ Востока*. „Многіе изъ Россіянь“, повѣствуетъ митрополитъ Евгеній, бывшіе въ продолженіе Турецкой войны 1770 г. въ Архипелагѣ, Сири, Аѳонской горѣ и другихъ мѣстахъ, описанныхъ Барскимъ, засвидѣтельствовали о точности его записокъ. Будучи самъ Греческаго исповѣданія и притомъ просвѣщенъ науками, онъ могъ тѣмъ лучше въ самыхъ источникахъ понимать заведенія, обряды и уставы Восточныхъ Святыхъ мѣстъ, которыя описываютъ и иновѣрные путешественники и наши, прежде его путешествовавшіе Россійскіе простолюдины, по большей части, въ превратномъ видѣ отъ непониманія своего“. Не слѣдуетъ также забывать и того, что въ глазахъ старинныхъ людей авторитетъ творенія Барскаго освящался благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, которое пребывало на немъ и на трудѣ его.

Нѣкоторые наши историки и публицисты мрачными красками изображаютъ XVIII вѣкъ нашей Исторіи. Не считая нужнымъ входить въ полемику по этому предмету, мы позволимъ себѣ поставить только одинъ вопросъ: не послужить ли смягчающимъ обстоятельствомъ ихъ строгихъ приговоровъ тотъ фактъ, что въ XVIII столѣтіи являлись люди, подобные Барскому, которые, по свидѣтельству Судіи вселенной, Александрійскаго патріарха Маттея, „Божественною ревностію побуждаемые“, стремились на Святой Востокъ; и что въ теченіе цѣлаго, нашими строгими судіями осуждаемаго, столѣтія всѣми со-словіями Русскаго народа читалась и перечитывалась, сначала въ рукописяхъ, а потомъ по изданію Рубана, благочестивая книга, ученика Теофана Прокоповича, Васи-лія Барскаго? Сами раскольники не остались равнодушны къ книгѣ православной, и въ 1788 году перепечатали ее въ своей Клинцовской типографіи ¹¹⁾.

Въ 1819 году было сдѣлано новое и послѣднее изданіе „Странствованій“ Барскаго. Съ того времени Барскаго стали позабывать, и наконецъ совсѣмъ забыли. Но, по справедливому замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „легко можетъ статься, что многое изъ нынѣ животрепещущаго и господствующаго не переживетъ вѣка и дня своего. Другое, нынѣ старое и забытое, можетъ очнуться позднѣе. Оно будетъ источникомъ добросовѣстныхъ изысканій, училищемъ, въ которомъ новыя поколѣнія могутъ

¹¹⁾ Прекрасно сохранившійся экземпляръ этого, нынѣ весьма рѣдкаго, изданія имѣется въ моей библіотекѣ, и подаренъ мнѣ въ Москвѣ, 21 января сего года, графомъ Владиміромъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, роднымъ внукомъ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

почерпать преданія, не лишенныя занимательности и цѣнности не только для новаго, настоящаго, но и для будущаго.¹²⁾

Эти слова нашего знаменитаго писателя вполне оправдываются въ данномъ случаѣ.

Въ 1882 году, въ С.-Петербургѣ, учредилось Православное Палестинское Общество и обновило память о Барскомъ. При самомъ своемъ возникновеніи, Общество поставило одною изъ задачъ своей дѣятельности изданіе Странствованій Барскаго по Святымъ мѣстамъ Востока въ достойномъ ихъ видѣ, при чемъ новое изданіе Барскаго рѣшено было совершить по подлинной рукописи. Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Сергію Александровичу, Августѣйшему Предсѣдателю Общества, отнесемуся весьма сочувственно къ предпринимаемому изданію Барскаго, благоугодно было лично обратиться къ графу А. С. Уварову¹³⁾ о предоставленіи подлинной рукописи въ распоряженіе Палестинскаго Общества на время ея изданія. Покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ доставилъ рукопись въ Императорскую Публичную Библиотеку. Съ такою же готовностью были доставлены въ Общество и другіе списки Странствованій Барскаго: отъ преосвященнаго Виталія, настоятеля Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря,¹⁴⁾ и отъ ректора Императорскаго Казанскаго университета, а также альбомъ подлинныхъ рисунковъ отъ Одесскаго Общества исторіи древностей.

---

¹²⁾ „Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго“. Изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1878 года, I, стр. II.

¹³⁾ Скончался въ Москвѣ 29 декабря 1884 года.

¹⁴⁾ Нынѣ епископъ Тамбовскій и Шацкій.

Затѣмъ, вопросъ о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для такого большого предпріятія какъ изданіе труда Барскаго, разрѣшился пожертвованіемъ въ пять тысячъ рублей, сдѣланнымъ Православному Палестинскому Обществу Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ на изданіе Барскаго.

Настоящее изданіе „Странствованій Барскаго по Святымъ мѣстамъ Востока“ производится по Уваровской рукописи, и только утраченныя мѣста подлинника восполняются при пособіи трехъ упомянутыхъ выше списковъ, при чемъ ссылки на эти рукописи, для сокращенія, означены слѣдующимъ образомъ: У (Уваровская), А (Археологической Коммисіи), М (Кіевского Михайловскаго Златоверхаго монастыря) и К (Императорскаго Казанскаго Университета).

Въ заключеніе считаю себя обязаннымъ выразить искреннѣйшую признательность Православному Палестинскому Обществу, удостоившему меня великой чести быть редакторомъ „Странствованій Василя Барскаго по Святымъ мѣстамъ Востока“, и объяснить здѣсь, какимъ путемъ палъ на меня счастливый жребій посвятить время, свободное отъ моихъ служебныхъ обязанностей, столь почетному труду. Первоначальное знакомство мое съ „Странствованіями Барскаго“ ограничивалось самыми общими библиографическими свѣдѣніями. Первымъ указаніемъ на Странствованіе Барскаго, какъ на живоносный источникъ, я обязанъ Достопочтенному Учредителю и Пред-

сѣдателю Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, Князю Павлу Петровичу Вяземскому. Онъ первый возбудилъ во мнѣ „благочестивое желаніе“ потрудиться надъ рукописными текстами путешествія Барскаго. Въ его селѣ Остафьевѣ и начались мои занятія этимъ предметомъ. Прекрасный манускриптъ этого памятника, принадлежащій Археографической Комиссіи, далъ мнѣ возможность углубиться въ этотъ предметъ. Сличеніе текстовъ рукописнаго съ печатнымъ Рубановскимъ убѣдило меня въ необходимости новаго изданія. Осенью 1880 г. я отправился въ Кіевъ, гдѣ родился, учился и скончался Барскій, съ спеціальною цѣлію собрать на мѣстѣ сохранившіяся о немъ свѣдѣнія, а также для изученія рукописи его Странствованій, хрипящейся въ Кіевскомъ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Въ Кіевѣ я встрѣтилъ отмѣнно благосклонное вниманіе къ занимавшимъ меня вопросамъ и покровительство моему труду со стороны приснопамятнаго митрополита Кіевскаго и Галицкаго Филоея и Софійскаго протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева. А когда, черезъ три года послѣ того, въ С.-Петербургѣ учредилось Православное Палестинское Общество и предложило мнѣ принять на себя редакцію по изданію Барскаго, я имѣлъ уже дерзновеніе не отказать отъ этой трудной обязанности.

Православное Палестинское Общество подъяло это новое изданіе „на увѣдѣніе, и на память, и на молитву благовѣрнымъ челоуѣкомъ“. Смѣемъ надѣяться, что этотъ драгоценный памятникъ нашей литературы, сохраняя для науки многія свѣдѣнія о тогдашнемъ положеніи посѣщенныхъ Барскимъ странъ Востока, и удовлетворяя сер-

дечной потребности набожныхъ людей имѣть въ свое на-
зиданіе проникнутое чувствомъ вѣры и благочестія опи-
саніе Святыхъ мѣсть, обратить на себя вниманіе пра-
вославныхъ христіанъ.

10 октября, 1884 года.

Сельцо Ивановка,

Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

